

Милтон Фридман

Капитализм и свобода

INLIBERTY

Библиотека свободы

Милтон Фридман
Капитализм и свобода

«Новое издательство»

1962, 1982

УДК 330.831.84
ББК 65.01:66.0

Фридман М.

Капитализм и свобода / М. Фридман — «Новое
издательство», 1962, 1982 — (Библиотека свободы)

ISBN 978-5-98379-208-1

Как должны быть устроены институты свободного общества – финансы, образование, социальная помощь, армия, налоговая система и многое другое? Книга нобелевского лауреата Милтона Фридмана «Капитализм и свобода» – один из самых популярных и влиятельных либеральных манифестов послевоенной эпохи, переложивший абстрактные идеалы свободы на язык практической политики.

УДК 330.831.84
ББК 65.01:66.0

ISBN 978-5-98379-208-1

© Фридман М., 1962, 1982
© Новое издательство, 1962, 1982

Содержание

Предисловие к русскому изданию 2006 года	6
Предисловие к изданию 2002 года	8
Предисловие к изданию 1982 года	10
Предисловие	13
Введение	15
Глава I	19
Глава II	29
Государство как нормотворческий орган и третейский судья	31
Деятельность, осуществляемая государством на основании технической монополии и «внешних эффектов»	33
Деятельность, осуществляемая государством на патерналистских основаниях	37
Заключение	39
Глава III	41
Товарный стандарт	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Милтон Фридман

Капитализм и свобода

© 1962, 1982 by The University of Chicago. All rights reserved

© Новое издательство, 2016

* * *

Предисловие к русскому изданию 2006 года

Мы с женой были в России только однажды – осенью 1962 года, когда англоязычная версия этой книги была впервые напечатана в Соединенных Штатах. В то же время при советском режиме нельзя было и думать о легальной русской версии, хотя позже я узнал, что какие-то самиздатские переводы ходили по рукам.

Более подробно мы описали нашу трехнедельную поездку в наших мемуарах¹. Вот несколько отрывков, которые все, как нарочно, были написаны моей женой Роуз.

Сельская местность, которую мы видели по пути из Варшавы в Москву [мы ехали из Варшавы в Москву на туристическом автобусе – это отдельная история], мало изменилась по сравнению с описаниями 50-100-летней давности. Тот же деревенский колодец и телеги, запряженные лошадьми, преобладание женщин, гнущихся в три погибели на полевых работах, и почти полное отсутствие механизированного оборудования. Деревни в основном погружены в темноту; только в редких сельсоветах горит свет...

В Москве нас поразило государственное богатство посреди людской нищеты. Люди, торопливо шедшие по улицам, были бедно одеты. Витрины были однообразны, а товары жутко дорогие – оценивать ли их в долларах по официальному курсу или в рублях относительно среднего дохода. Было построено много жилых домов, но, судя по нашему личному опыту, приобретенному в недавно возведенных гостиницах в Минске и Смоленске, качество жилья было невероятно низким.

С другой стороны, новый Дворец Советов в Кремле представлял собой великолепное современное здание из алюминия и стекла и столь же великолепным оказался Дворец пионеров, предназначенный для внешкольных занятий подростков. Как мы заметили, подростков, которые занимались во дворце, привозили туда в первоклассных автомобилях с шоферами. Опера, балет, кукольный театр – все было прекрасно. Все было для привилегированных...

Мы приехали в Советский Союз исключительно в качестве туристов. Однако советские экономисты, которых мы принимали в Чикаго, уговаривали нас увидеть своими глазами, что такое Советский Союз, давая понять, что они будут готовы нам все показать. По нашей просьбе гид из «Интуриста» позвонил некоторым из этих экономистов. Один из них сказался больным, других, как выяснилось, в этот момент не было в городе, третьи не могли заняться нами по каким-то иным причинам.

Я [Роуз] резюмировала наши впечатления от Советского Союза в журнале *Oriental Economist* в октябре 1976 года, когда воспоминания еще были свежи: «Трудно выразить словами угнетающее чувство, охватившее нас во время поездки в Советский Союз. Не было ничего конкретного, чему мы могли бы приписать свой страх. Атмосфера была такой, что казалось, будто за нами постоянно следят. Вездесущие громкоговорители, торчащие в каждом гостиничном номере; ощущение, что можно пойти только в определенные места, причем пойти только вместе с тем или иным гидом из „Интуриста“... Обычные люди, с которыми мы иногда сталкивались и пытались поговорить, казалось, боялись разговаривать с иностранцами и все время оглядывались, чтобы посмотреть, кто нас слушает».

В нас вселяло надежду дружелюбие тех, с кем мы встречались, – оно особенно проявлялось, когда мы говорили, что мы американцы. Судя по их вопросам, советская пропаганда убедила людей, что американцы хотят начать войну. Почти все, с кем мы разговаривали, выражали большое беспокойство в связи с войной и настаивали, чтобы мы передали дома, что советские люди не хотят войны с Америкой. С другой стороны, пропаганда не сумела

¹ *Friedman M., Friedman R.D. Two Lucky People: Memoirs. Chicago: University of Chicago Press, 1998. P 282–290.*

вселить в них убеждение насчет низкого уровня жизни американцев. Люди, с которыми мы встречались, всегда интересовались, насколько хорошо живут американцы. Они никогда не спрашивали, есть ли у нас дом, а – сколько у нас домов. Или: сколько у нас машин?

Благодаря нашему былому опыту я еще больше рад, что «Капитализм и свобода» выходит наконец в России и будет доступна людям, которые больше, чем иные, могут оценить взаимосвязь между человеческой свободой и капитализмом. Сущность капитализма – частная собственность, и она является источником человеческой свободы. То, что принадлежит всем, не принадлежит никому. Тем, чем надежно владеет один, могут воспользоваться для удовлетворения своих нужд другие с помощью добровольной кооперации – а это сущность свободы.

Многие детали, обсуждающиеся в этой книге, устарели и уже не имеют значения. Однако основные принципы сохраняют свою ценность и актуальность для решения проблем, с которыми сталкиваются страны распавшегося Советского Союза при строительстве свободного и процветающего общества.

Сан-Франциско, Калифорния 25 октября 2005 года

Предисловие к изданию 2002 года

В предисловии к изданию этой книги, вышедшему в 1982 году, я описал кардинальное изменение общественного мнения, выразившееся в том, насколько по-разному были восприняты «Капитализм и свобода», впервые опубликованная в 1962 году, и другая книга, которую я также написал вместе со своей женой, – «Свобода выбирать» (Free to Choose), трактующая предметы в том же философском ключе, но вышедшая впервые в 1980-м. Общественное мнение менялось по мере того и отчасти из-за того, как расширялась роль государства и правительства под влиянием идеи государства всеобщего благосостояния и кейнсианских взглядов. В 1965 году, когда я читал лекции, которые моя жена помогла мне оформить в книгу, государственные расходы в США – на федеральном уровне, на уровне штатов и на местном уровне – составляли 26 % национального дохода. Большая часть расходов шла на оборону. Невоенные расходы составили 12 % национального дохода. Через четверть века, в 1982 году, когда вышло новое издание книги, общий объем государственных расходов вырос до 89 % национального дохода, а невоенная доля возросла более чем вдвое, составив 81 % национального дохода.

Изменение общественного мнения принесло свои плоды. Оно проложило дорогу избранию Маргарет Тэтчер в Великобритании и Рональда Рейгана в Соединенных Штатах. Они сумели обуздать левиафана, если не сломить его. Общий объем государственных расходов в США постепенно опустился с 89 % национального дохода в 1982 году до 86 % национального дохода в 2000-м, но это в основном произошло вследствие снижения военных затрат. Невоенные расходы остались приблизительно на том же уровне: 31 % в 1982 году, 30 % в 2000 году.

Общественное мнение получило дополнительный толчок для развития в том же направлении после падения Берлинской стены в 1989 году и распада Советского Союза в 1992-м. Так пришел к драматическому концу семидесятилетний эксперимент – соревнование двух альтернативных способов организации экономики: сверху вниз vs снизу вверх, социализма vs капитализма. Результаты этого эксперимента были предсказаны аналогичными экспериментами меньшего масштаба: Гонконг и Тайвань vs материковый Китай, Западная Германия vs Восточная Германия, Южная Корея vs Северная Корея. Но потребовались драма Берлинской стены и распад СССР, чтобы сделать эти результаты достоянием житейской мудрости, и теперь мало кто сомневается, что централизованное планирование – это действительно «дорога к рабству», как озаглавил свою блистательную полемическую работу 1944 года Фридрих А. Хайек.

То, что справедливо по отношению к Соединенным Штатам и Великобритании, справедливо и относительно других западных развитых стран. В первые послевоенные десятилетия страна за страной испытывала одно и то же: бурный рост социализма, за которым следовал социализм ползучий или застойный. И во всех этих странах сегодня происходит движение в сторону повышения роли рынка и уменьшения роли государства. На мой взгляд, ситуация отражает значительное отставание практики от общественного мнения. Быстрая социализация в послевоенные десятилетия отражала довоенную тягу общественного мнения к коллективизму; будущая десоциализация отразит позднее воздействие перемен в общественном мнении, вызванных распадом Советского Союза.

Перемены в общественном мнении оказали еще более радикальное влияние на бывшие малоразвитые страны. Это справедливо даже по отношению к Китаю, крупнейшему из государств, официально остающихся коммунистическими. Проведенные Дэном Сяопином в конце 1970-х рыночные реформы, в результате которых сельское хозяйство было фактически приватизировано, существенно повысили производительность и привели к введе-

нию дополнительных рыночных элементов в коммунистическую командную систему. Даже ограниченный рост экономической свободы изменил лицо Китая, дав убедительное подтверждение вере в силу свободного рынка. Китаю еще далеко до того, чтобы стать свободным обществом, но нет никаких сомнений, что сегодня жители этой страны живут свободнее и благополучнее, чем они жили при Мао, – свободнее во всех отношениях, кроме политического. Появились даже первые слабые признаки роста политических свобод, выразившиеся в выборности чиновников во всё большем числе китайских деревень. Китаю еще предстоит долгий путь, но он движется в правильном направлении.

Сразу после Второй мировой войны утвердилась доктрина, что развитие стран третьего мира требует централизованного планирования плюс масштабной иностранной помощи. Отсутствие успешных результатов везде, где только применялась эта формула (как было ясно показано Питером Бауэром и другими исследователями), и невероятный успех рыночно-ориентированной политики восточноазиатских тигров – Гонконга, Сингапура, Тайваня, Южной Кореи – вызвали к жизни совсем иные доктрины развития. На сегодняшний день многие страны в Латинской Америке и в Азии и даже несколько стран в Африке приняли рыночный подход и установку на снижение роли государства. То же самое сделали многие бывшие советские сателлиты. Во всех этих случаях в соответствии с темой книги рост экономической свободы шел рука об руку с ростом политической и гражданской свободы, в результате чего повысилось благосостояние. Оказалось, что конкурентный капитализм и свобода неотделимы друг от друга.

В конце – личная нота. Автору нечасто дается привилегия оценить свою работу спустя 40 лет после ее выхода в свет. Я очень рад, что мне выдался такой шанс. Я очень доволен тем, что книга выдержала проверку временем и что она не теряет актуальности с точки зрения сегодняшних проблем. Если бы я хотел что-то поправить, так это следующее: я хотел бы заменить дихотомию экономической и политической свободы трихотомией экономической, гражданской и политической свободы. После того как я закончил книгу, пример Гонконга (до передачи его Китаю) убедил меня, что если экономическая свобода – это необходимое условие гражданской и политической свободы, то политическая свобода, сколь ни была бы она желательна сама по себе, не является необходимым условием экономической и гражданской свободы. С этой точки зрения серьезный недостаток этой книги видится мне в неадекватной трактовке политической свободы, которая при одних условиях благоприятствует экономической и гражданской свободе, а при других им препятствует.

Стэнфорд, Калифорния 11 марта 2002 года

Предисловие к изданию 1982 года

Лекции, которые моя жена помогла мне переработать для издания в виде этой книги, были прочитаны четверть века назад. Воссоздать интеллектуальную атмосферу того времени нелегко даже людям, активно участвовавшим в тогдашней жизни, не говоря уже о большей половине ныне живущих, которые в ту пору либо не достигли десятилетнего возраста, либо вообще еще не родились. Те из нас, кто испытывал глубокую тревогу за свободу и экономическое процветание, угрозу которым представляет рост государственных полномочий, идеи государства всеобщего благосостояния и кейнсианские воззрения, являли собой ничтожное загнанное меньшинство и воспринимались большинством собратьев-интеллектуалов как эксцентрики.

Даже спустя семь лет, когда эта книга впервые увидела свет, высказанные в ней взгляды настолько расходились с основным течением тогдашней мысли, что рецензий на нее не появилось ни в одном из главных периодических изданий – ни в *New York Times*, ни в *Herald Tribune* (тогда еще выходившей в Нью-Йорке), ни в *Chicago Tribune*, ни в *Times* или *Newsweek*, ни даже в *Saturday Review*, хотя ее рецензировали лондонский *Economist* и крупнейшие профессиональные журналы. А ведь это была книга, рассчитанная на массовую аудиторию, написанная профессором одного из крупнейших американских университетов и разошедшаяся в последующие 18 лет тиражом свыше 400 тысяч экземпляров. Невозможно себе представить, чтобы так же была обойдена молчанием подобная публикация экономиста, который имел бы сходную профессиональную репутацию, но высказывался положительно о государстве всеобщего благосостояния, социализме или коммунизме.

О том, насколько изменился за последние двадцать пять лет интеллектуальный климат, свидетельствует совсем иной прием, оказанный книге «Свобода выбирать», которую я написал вместе с женой; эта книга, опубликованная в 1980 году, была прямой наследницей «Капитализма и свободы» и защищала то же самое мировоззрение. Об этой книге отозвались все крупнейшие периодические издания, причем многие поместили весьма пространственные рецензии и рецензионные статьи. Книга была не только частично перепечатана в *Book Digest*, но и попала на его обложку. За первый год в США разошлись 400 тысяч экземпляров «Свободы выбирать», она была переведена на двадцать языков, а в начале 1981 года вышла карманным изданием, рассчитанным на массовую аудиторию.

Нам думается, что столь разный прием, оказанный этим двум книгам, нельзя объяснить различием в их качестве. Первая книга имеет более философский, более абстрактный и поэтому более фундаментальный характер. «Свобода выбирать», как мы выразились в предисловии, написана в более «конкретном, менее теоретическом ключе». Она скорее дополняет, а не отменяет «Капитализм и свободу». На уровне поверхностном разный прием можно отнести на счет телевидения. «Свобода выбирать» была основана на одноименной серии телевизионных передач (компании PBS) и задумана как приложение к ней; не приходится сомневаться, что успех этих телепередач привлек к книге большое внимание.

Это объяснение поверхностно, потому что появление и успех телевизионной программы сами по себе являются знаком перемен в интеллектуальном климате. В 1960-е годы к нам ни разу не обращались с просьбой сделать телепередачу типа «Свободы выбирать». Вряд ли нашлись бы желающие ее финансировать. А если бы случайно такую программу сделали, не нашлось бы сколько-нибудь значительной аудитории, восприимчивой к изложенным в ней взглядам. Нет, иной прием, оказанный второй книге, и успех телепередачи – это общие следствия перемен в общественном настроении. Мысли, высказанные в наших двух книгах, еще не стали частью господствующего мировоззрения, но теперь они по край-

ней мере сделались респектабельными в интеллектуальном сообществе и, судя по всему, почти привычными для широкой аудитории.

Эти перемены в общественном настроении не были произведены ни данной книгой, ни многими другими, принадлежащими к той же философской традиции, – такими, как книги Хайека «Дорога к рабству» и «Конституция свободы» (Constitution of Liberty). В доказательство этого достаточно указать на предложение написать статью для дискуссии «Капитализм, социализм и демократия», разосланное редакцией журнала *Commentary* в 1978 году. В нем есть в числе прочего и такие строки: «Мысль о том, что между капитализмом и демократией, видимо, существует неразрывная взаимосвязь, в последнее время стала казаться правдоподобной многим интеллектуалам, некогда считавшим такой взгляд на вещи не только ошибочным, но даже и политически опасным». Я послал в ответ пространную цитату из «Капитализма и свободы» и более короткую выдержку из Адама Смита, а завершил письмо приглашением: «Добро пожаловать в наши ряды»². Даже в 1978 году из 25 участников дискуссии лишь 9, не считая меня, высказали взгляды, которые можно полагать созвучными основному пафосу «Капитализма и свободы».

Общественное мнение изменилось вследствие опыта, а не теории или философии. Россия и Китай, внушавшие некогда большие надежды интеллектуальным классам, больше негодились на роль идеала. Англия, чей фабианский социализм оказал господствующее влияние на американских интеллектуалов, переживала серьезные неприятности. В наших краях интеллектуалы, всегда бывшие поклонниками расширения государственных полномочий и в подавляющем большинстве своем поддерживавшие на выборах демократическую партию, утратили иллюзии из-за Вьетнамской войны и в особенности той роли, какую сыграли в ней президенты Кеннеди и Джонсон. В прах обращались многие программы реформы – такие великие начинания прошлых лет, как пособия для неимущих, государственное и муниципальное жилищное строительство, поддержка профсоюзов, школьная интеграция, федеральная помощь образованию и компенсационная дискриминация. Вместе с остальным населением интеллектуалы почувствовали, как бьют им по карману инфляция и высокие налоги. Именно эти явления, а не убедительность идей, выраженных в книгах, где обсуждались принципы, объясняют переход от сокрушительного поражения Барри Голдуотера в 1964 году к сокрушительной победе Рональда Рейгана в 1980-м (ведь программа и основной пафос были у них, по сути дела, одни и те же).

В чем же тогда роль таких книг, как эта? Она, на мой взгляд, двояка. Во-первых, доставить материал, чтобы было над чем пораскинуть мозгами. Как мы писали в предисловии к «Свободе выбирать», «единственный человек, по-настоящему способный вас убедить, – это вы сами. Вам надо на досуге не спеша поразмыслить над обсуждаемыми вопросами, взвесить разные аргументы, дать им отлежаться и лишь потом, по прошествии многих лет, обратить свои предпочтения в убеждения».

Вторая – и более основательная – роль таких книг заключается в том, чтобы оставить вопрос открытым до тех пор, пока обстоятельства не вызовут необходимости перемен. В частных и особенно в государственных делах господствует колоссальная инерция, своего рода тирания статус-кво. Только кризис (реальный или воображаемый) вызывает настоящие перемены. Когда происходит кризис, действия, которые будут предприняты, зависят от имеющихся в наличии идей. В этом, как мне кажется, и состоит наша главная роль: разрабатывать альтернативы существующей политике, поддерживать в них жизнь и держать их наготове, пока политически невозможное не делается политически неизбежным.

Пожалуй, будет понятнее, если я расскажу случай из личного опыта. В конце 1960-х годов я дискутировал с неисправимым коллективистом Леоном Кейсерлингом в Висконсин-

² *Commentary*. 1978. April. P. 29–71.

ском университете. Решающий, как ему казалось, удар заключался в том, чтобы высмеять мои взгляды как крайне реакционные, и он предпочел нанести его, зачитав из конца главы II настоящей книги список мер, которые, как я писал, «нельзя, на мой взгляд, оправдать в свете вышеозначенных принципов». Покуда он перебирал мои филиппики в адрес поддержания цен, тарифов и т. д., студенческая аудитория была на его стороне, и так продолжалось, пока он не дошел до пункта 11: «Воинская повинность в мирное время». Мое выступление против воинской повинности вызвало бурные аплодисменты; это стоило ему и аудитории и дискуссии.

Кстати говоря, в моем списке 14 необоснованных правительственных мероприятий воинская повинность была единственным, которое на сегодняшний день элиминировано; да и эту победу нельзя считать окончательной. Что касается остальных пунктов из этого списка, то мы еще больше отделились от принципов, выдвинутых в нашей книге, и в этом заключается, с одной стороны, причина перемен в общественном мнении, а с другой – доказательство того, что эти перемены пока не возымели серьезных практических последствий. Этот же факт свидетельствует о том, что основные положения нашей книги так же актуальны в 1981 году, как в 1962-м, хотя некоторые примеры и детали, наверное, уже устарели.

Предисловие

Эта книга – давно задуманный результат серии лекций, прочитанных в июне 1956 года на конференции в Уобашском университете. Конференцией руководили Джон Ван Сикль и Бенджамин Рогги, а финансировал ее Фонд Волкера. В последующие годы я прочитал аналогичные лекции на Волкеровских конференциях в Клермонтском колледже (организатор Артур Кемп), в Университете Северной Каролины (организатор Кларенс Филбрук) и в Университете штата Оклахома (организатор Ричард Лефтович). В каждом случае я излагал содержание первых двух глав этой книги, посвященных принципиальным вопросам, а затем применял эти принципы к широкому кругу конкретных проблем.

Я признателен организаторам этих конференций не только за то, что они пригласили меня выступить с лекциями, но – в еще большей степени – за высказанную ими критику и замечания, а также за дружеские поощрения записать эти лекции хотя бы начерно; кроме того, я благодарен сотрудникам Фонда Волкера Ричарду Корнуэллу, Кеннету Темплтону и Ивану Бирли, чьими стараниями были устроены конференции. Я также в долгу перед их участниками, чьи проникательные замечания, глубокий интерес к рассматриваемым проблемам и неослабный интеллектуальный энтузиазм заставили меня пересмотреть многие положения и исправить немало ошибок. Эта серия конференций относится к числу наиболее ярких и плодотворных моментов моей интеллектуальной жизни. Нет нужды говорить, что, наверное, ни один из руководителей или участников этих конференций не согласится полностью со всем, что написано в моей книге. Но хочется надеяться, что они не прочь взять на себя часть ответственности за нее.

Высказанными в этой книге теоретическими воззрениями и многими деталями я обязан своим учителям, коллегам и друзьям, и в первую очередь группе выдающихся ученых, с которыми я имел честь сотрудничать в Чикагском университете, – Фрэнку Х. Найту, Генри К. Саймонсу, Ллойд У. Минцу, Аарону Директору, Фридриху А. Хайеку и Джорджу Дж. Стиглеру. Я прошу у них прощения за то, что при изложении не сумел отметить авторства многих принадлежащих им идей. Я многому у них научился, и то, чему я научился, сделалось неотъемлемой частью моего собственного мировоззрения, поэтому я просто не знал, когда было нужно, а когда не нужно делать ссылки.

Я не осмелюсь назвать имена многих, перед кем я в долгу, чтобы не обидеть тех, кого я по случайности пропустил. Но я не могу не упомянуть своих детей, Джанет и Дэвида, чье нежелание принимать что-либо на веру принудило меня изложить специальные проблемы доступным языком и таким образом прояснило и мое собственное понимание и, надеюсь, мое изложение этих проблем. Спешу добавить, что они также берут на себя часть ответственности, но не расписываются в тождестве взглядов.

Я свободно пользовался уже опубликованными материалами. В главе I переработан материал, напечатанный ранее под тем же названием, что сама книга, в сборнике «*Essays in Individuality*» (Ed. by Felix Morley. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1958), а затем в переработанном виде, но с тем же самым заглавием в журнале *The New Individualist Review* (Vol. I. № 1 [April 1961]). Глава VI представляет переработку одноименной статьи, впервые напечатанной в сборнике «*Economics and the Public Interest*» (Ed. by Robert A. Solo. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1955). Фрагменты других глав также позаимствованы из разных моих книг и статей.

Рефрен «если бы не моя жена, книга эта не была бы написана» сделался общим местом академических предисловий. Но в моем случае дело обстоит именно так. Она собрала вместе обрывки разных лекций, свела в единое целое различные варианты, перевела лекции на язык, более близкий к литературному английскому, и была главной моей вдохновительницей

на всем протяжении работы. Ссылка на ее участие, помещенная на титульном листе, разве что занижает ее роль.

Мой секретарь Мюриэль А. Портер в трудные минуты была для меня надеждой и опорой, и я перед ней в большом долгу. Она перепечатала большую часть рукописи, равно как и множество ранних вариантов и отрывков.

Посвящается Джанет и Дэвиду и их сверстникам, которым предстоит нести факел свободы на следующем круге

Введение

В своей инаугурационной речи президент Кеннеди сказал слова, которые потом часто цитировались: «Не спрашивайте, что может сделать для вас ваша страна; спрашивайте, что вы можете сделать для своей страны». Поразительным знамением нашего времени сделалось то обстоятельство, что разногласия по поводу этой фразы сосредоточились на ее источнике, а не ее содержании. Ни первая, ни вторая часть этого заявления не выражает отношений между гражданином и государством, которые были бы достойны идеалов свободного человека, живущего в свободном обществе. Покровительственное «что может сделать для вас ваша страна» подразумевает, что государство мыслится в качестве покровителя, а гражданин – опекаемого, хотя такая точка зрения идет вразрез с убеждением свободного человека, что он сам несет ответственность за свою судьбу. Органистическое «что вы можете сделать для своей страны» подразумевает, что государство мыслится как господин или божество, а гражданин – как слуга или прислужник. Для свободного человека страна должна быть совокупностью составляющих ее индивидуумов, а не какой-то вышестоящей инстанцией. Свободный человек гордится общим наследием и верен общим традициям. Однако он смотрит на государство как на средство, инструмент, а не как на источник милостей и подарков и не как на господина или Бога, которому следует слепо поклоняться и которому нужно служить. Свободный человек не признает никакой национальной цели, если она не является консенсусом целей, к которым граждане стремятся по отдельности. Он не признает никакой национальной задачи, если она не является консенсусом задач, которым по отдельности служат граждане.

Свободный человек не будет спрашивать ни о том, что может сделать для него его страна, ни о том, что он сам может сделать для своей страны. Вместо этого он спросит: «Что я и мои соотечественники можем сделать с помощью государства» для того, чтобы нам легче было выполнять свои индивидуальные обязанности, добиваться своих отдельных целей и прежде всего защищать нашу свободу? Помимо этого вопроса, он задаст и другой: «Как мы воспрепятствуем тому, чтобы созданное нами государство сделалось Франкенштейновым монстром и погубило ту самую свободу, которую мы поставили его охранять?» Свобода – это редкое и хрупкое растение. Разум говорит нам, а история подтверждает, что главную угрозу свободе представляет концентрация власти. Государство необходимо для сохранения нашей свободы, и оно же является инструментом, посредством которого мы можем пользоваться этой свободой, но, тем не менее, когда власть концентрируется в руках политиков, она превращается в угрозу нашей свободе. Даже если те, в чьи руки первоначально перешла власть, будут людьми доброй воли и даже если эта власть их не развратит, позже она и привлечет, и вырастит людей совсем иной породы.

Как мы можем использовать потенциал государства, избегнув в то же время опасности, грозящей свободе? Два общих принципа, воплощенных в нашей Конституции, заключают в себе ответ, защищавший до сих пор нашу свободу, хотя, будучи возведена в закон, она неоднократно нарушалась на практике.

Прежде всего должны быть ограничены полномочия государства. Главная его функция должна состоять в том, чтобы защищать нашу свободу как от окружающих недругов, так и от наших сограждан: поддерживать закон и порядок, обеспечивать выполнение договоров между частными лицами и поощрять рыночную конкуренцию. Помимо своей главной функции, государство может время от времени помогать нам совместно совершать то, что нам труднее или дороже совершить по отдельности.

Однако всякое такого рода использование государства чревато угрозой. Избегать подобного использования государства у нас нет ни нужды, ни возможности. Но перед тем

как это сделать, следует убедиться, что получаемые преимущества очевидны и велики. Опираясь главным образом на добровольное сотрудничество и частную инициативу (как в экономике, так и в иных видах деятельности), мы сможем добиться того, чтобы частный сектор служил противовесом сектору государственному и надежно охранял свободу слова, вероисповедания и мысли.

Второй общий принцип состоит в том, что государственную власть следует рассредоточить. Если уж наделять правительство властью, то лучше, чтобы оно пользовалось ею в графстве, а не в штате, и лучше, чтобы в штате, а не в Вашингтоне. Если мне не по душе то, что делают местные власти, будь то канализация, зонирование или школьное образование, я могу переехать в другое место, и хотя на такой шаг решаются немногие, сама возможность служит средством ограничения власти. Если мне не по душе то, что делает мой штат, я волен перебраться в другой. Но если мне не по душе то, что навязывает мне Вашингтон, в нашем мире ревниво оберегающих себя наций вариантов у меня маловато.

Разумеется, именно тот факт, что уклониться от распоряжений федерального правительства не так уж легко, делает централизацию столь привлекательной для многих ее сторонников. Они полагают, что она позволит им успешней проводить программы, которые, по их мнению, служат общественному благу, будь то перераспределение доходов в пользу бедных за счет богатых или в пользу государственных нужд за счет частных. В каком-то смысле они правы. Но у этой медали две стороны. Тот, кто имеет власть, чтобы делать добро, одновременно получает возможность творить зло; сегодня власть принадлежит одним, а завтра, возможно, – другим; еще важнее тот факт, что то, в чем один видит благо, другой усматривает зло. Великая трагедия погони за централизацией, равно как и погони за расширением государственных полномочий, заключается в том, что начинают ее по большей части люди доброй воли, которые сами же будут первыми скорбеть о ее последствиях.

Защита свободы от посягательств есть, так сказать, охранительная причина для ограничения и децентрализации государственной власти. Но есть и конструктивная причина. Величайшие достижения цивилизации в какой бы то ни было области – живописи или архитектуры, науки или литературы, промышленности или сельского хозяйства – никогда не происходят от центрального правительства. Колумб отправился искать новую дорогу в Китай не по указу парламентского большинства, хотя его частично финансировал абсолютный монарх. Ньютон и Лейбниц, Эйнштейн и Бор, Шекспир, Мильтон и Пастернак, Уитни, Маккормик, Эдисон и Форд, Джейн Адамс, Флоренс Найтингейл и Альберт Швейцер – все они открыли новые рубежи в человеческом знании, в литературе, в технике или в деле облегчения людских страданий не по указу правительства. Их свершения были произведением их собственного гения, твердых убеждений меньшинства и общественной атмосферы, дающей простор разнообразию и своеобразию.

Государство никогда не сможет потягаться своеобразием и многообразием с действиями отдельного индивида. Предписав единые нормы обеспечения жильем, питанием или одеждой, государство, без сомнения, может повысить уровень жизни множества людей; установив единые нормы в области образования, дорожного строительства или канализации и водоснабжения, центральное правительство, безусловно, способно поднять уровень обслуживания на местах, а то и в среднем по всей стране. Но в ходе этого на смену прогрессу придет стагнация; единообразной посредственностью государство заменит своеобразие, необходимое для того экспериментирования, которое может поставить завтрашних отстающих выше сегодняшних середнячков.

Часть этих фундаментальных проблем рассматривается в настоящей книге. Ее главная тема – роль капитализма свободной конкуренции (то есть организации большей части экономической

деятельности в рамках частного предпринимательства, действующего на свободном рынке) как системы экономической свободы и необходимого условия для свободы политической. Сопутствующая тема книги – это роль, которую следует отвести государству в обществе, приверженном свободе и опирающемся преимущественно на рынок при организации экономической деятельности.

В двух начальных главах эти вопросы разбираются на абстрактном уровне – в принципе, а не в своем практическом применении. В последующих главах эти принципы прилагаются к целому ряду конкретных проблем.

Абстрактная формулировка вполне может быть полной и исчерпывающей, хотя в двух последующих главах этого идеала достигнуть не удастся. Но вот вопрос о приложимости соответствующих принципов нельзя рассмотреть исчерпывающе даже в теории. Каждый день приносит с собой новые проблемы и новые обстоятельства. Вот почему роль государства невозможно раз и навсегда предопределить в плане его конкретных функций. А потому нам следует время от времени пересматривать вопрос о том, как неизменные, по нашему разумению, принципы соотносятся с проблемами текущего дня. Побочным продуктом такого пересмотра неизбежно станет перепроверка и углубление нашего понимания этих принципов.

Излагаемые в этой книге политические и экономические воззрения было бы весьма удобно обозначить каким-то ярлыком. Самым правомерным и подходящим обозначением будет «либерализм». К несчастью, «в качестве высшего, хотя и непреднамеренного комплимента недруги системы частного предпринимательства сочли благоразумным экспроприировать ее обозначение»³, поэтому в США либерализм приобрел совсем не тот смысл, в каком его понимали в XIX веке или в каком его понимают ныне в большинстве стран европейского континента.

Развившееся в конце XVIII – начале XIX века интеллектуальное движение, носившее название либерализма, делало упор на свободу как на конечную цель и на индивида как на конечную единицу общества. Внутри страны оно поддерживало свободную конкуренцию как средство ослабления роли государства в экономической сфере и соответственно усиления роли индивида; за границей оно выступало за свободу торговли как средство мирного и демократического соединения стран нашей планеты. В области политической оно поддерживало развитие представительного правления и парламентских институтов, ограничение государственного произвола и защиту гражданских свобод индивида.

С конца XIX века, и особенно после 1980-х годов в США, термин «либерализм» приобрел совершенно иной акцент, особенно в сфере экономической политики. Он стал отождествляться со стремлением полагаться для достижения искомых целей не на добровольные частные соглашения, а на государство. Лозунгом либерализма стала не свобода, а благосостояние и равенство. Либерал XIX века считал наиболее действенным средством повышения благосостояния и достижения равенства расширение свободы; либерал XX века считает благосостояние и равенство предварительными условиями свободы или ее альтернативами. Во имя благосостояния и равенства либерал XX века стал выступать за возрождение курса на государственное вмешательство и патернализм, против которого боролся классический либерализм. Поворачивая стрелки часов назад, к меркантилизму XVII века, он обожает попутно клеймить подлинных либералов реакционерами!

Изменение смысла, вкладываемого в понятие «либерализм», в экономической сфере более разительно, чем в политической. Либерал XX века, точно так же как и либерал XIX века, выступает за парламентские учреждения, представительное правление, гражданские права и т. п. Однако даже в политических вопросах наблюдается заметная разница. Будучи

³ Schumpeter J. History of Economic Analysis. New York: Oxford University Press, 1954. P 394.

ревнителем свободы и потому глядя с опаской на централизацию власти хоть в правительственных, хоть в частных руках, либерал XIX века предпочитал политическую децентрализацию. Либерал XX века жаждет действия и верит в благость власти, пока она находится в руках правительства, контролируемого в теории избирателями, поэтому он выступает за централизованное правление. Раздумывая, где сосредоточить власть, он предпочтет штат городу, федеральное правительство – штату, а всемирную организацию – национальному правительству.

В связи с извращением термина «либерализм» мировоззрение, которое раньше носило это название, сегодня нередко обозначают словом «консерватизм». Но это малопригодная альтернатива. Либерал XIX века был радикалом как в этимологическом смысле (он всегда хотел дойти до самой сути), так и в политическом: он выступал за кардинальное изменение общественных институтов. Таков должен быть и его современный наследник. Мы не желаем консервировать государственное вмешательство, которое так ущемляет нашу свободу, хотя, разумеется, мы готовы сохранить те формы этого вмешательства, которые ей благоприятствуют. Кроме того, на практике термин «консерватизм» стал применяться к широкому кругу взглядов, которые до такой степени несовместимы друг с другом, что еще на наших глазах, несомненно, появятся составные обозначения вроде «либерально-консервативный» или «консервативно-аристократический».

Отчасти из нежелания отдавать этот термин приверженцам мер, которые уничтожат свободу, отчасти по неумению отыскать подходящую альтернативу я разрешу эти затруднения, употребляя слово «либерализм» в его первоначальном смысле, а именно в значении системы взглядов свободного человека.

Глава I

Взаимосвязь между экономической и политической свободой

Широко распространено мнение, что политика и экономика – вещи разные и между собой почти не связанные, что личная свобода – это вопрос политический, а материальное благополучие – экономический и что любое политическое устройство можно совместить с любым экономическим. Главными современными выразителями этого представления являются многочисленные проповедники «демократического социализма», безусловно осуждающие ограничения на личную свободу, навязываемые «тоталитарным социализмом» в России, но убежденные, что страна может взять на вооружение основные черты тамошнего экономического строя и тем не менее обеспечить личные свободы благодаря устройству политическому. Основной тезис данной главы заключается в том, что такое мнение ошибочно, что между экономикой и политикой существует тесная взаимосвязь, что возможны лишь определенные комбинации политического и экономического устройства общества и что, в частности, социалистическое общество не может одновременно быть демократическим (в том смысле, что оно не может гарантировать личных свобод).

Экономическое устройство играет двоякую роль в развитии свободного общества. С одной стороны, свобода экономических отношений сама по себе есть составная часть свободы в широком смысле, поэтому экономическая свобода является самоцелью. С другой стороны, экономическая свобода – это необходимое средство к достижению свободы политической.

Первую из двух перечисленных ролей экономической свободы следует подчеркнуть особо, поскольку интеллектуалы не склонны придавать этому аспекту свободы большое значение. Как правило, они презрительно относятся к тому, что представляется им материальной стороной жизни, и рассматривают свое собственное стремление к якобы более высоким ценностям как куда более значительное и заслуживающее особого внимания обстоятельство. Однако если не для интеллектуалов, то для большинства граждан страны непосредственная важность экономической свободы по меньшей мере сравнима по своей значимости с косвенной важностью экономической свободы как средства к достижению свободы политической.

Английский гражданин, который после Второй мировой войны не имел возможности провести отпуск в США из-за валютных ограничений, был лишен одного из основных видов свободы не в меньшей степени, чем американский гражданин, которого не пускали провести отпуск в России из-за его политических воззрений. На первый взгляд в одном случае речь шла об экономическом ограничении свободы, а в другом – о политическом, однако существенной разницы между ними нет.

Гражданин США, которого закон обязывает выделять, скажем, 10 % своего дохода на покупку определенного пенсионного контракта, находящегося под государственным контролем, тем самым лишается соответствующей части своей личной свободы. Насколько ощутимым может быть такое ограничение и насколько близко оно к ограничению религиозной свободы, которую все сочтут свободой «гражданской» или «политической», а не «экономической», нашло яркое выражение в одном эпизоде, затрагивавшем группу фермеров из секты амишей. Исходя из своих принципов, эта секта рассматривала обязательные федеральные пенсионные программы как нарушение своей индивидуальной свободы, а потому отказывалась платить налоги и принимать выплаты по социальному обеспечению. В результате часть принадлежавшего ей скота была продана с аукциона для покрытия причитавшихся с нее взносов на социальное обеспечение. Конечно, число граждан, рассматривающих обяза-

тельное пенсионное обеспечение как ущемление свободы, по-видимому, невелико, но ревнители свободы никогда не исходили из большинства голосов.

Гражданин США, который по законам разных штатов не имеет права трудиться на избранном им поприще, если он не получит лицензию на этот вид деятельности, точно так же лишается существенной доли своей свободы. То же самое можно сказать о человеке, который желает выменять на какие-то свои товары, к примеру, часы у швейцарца, но не может этого сделать из-за квоты. То же самое можно сказать о калифорнийце, угодившем в тюрьму в соответствии с так называемыми «законами о справедливой торговле» (fair trade laws) за то, что продавал противопохмельное средство «Алка-Зельцер» по цене ниже той, которую установил производитель. То же самое можно сказать и о фермере, который не может выращивать столько пшеницы, сколько захочет. И так далее. Совершенно очевидно, что экономическая свобода сама по себе является исключительно важным компонентом общей свободы.

Если смотреть на экономическое устройство как на средство достижения политической свободы, оно получает особую значимость из-за своего влияния на концентрацию и рассредоточение власти. Экономическая организация, непосредственно обеспечивающая экономическую свободу, а именно капитализм свободной конкуренции, способствует и развитию политической свободы, ибо отделяет экономическую власть от политической и, таким образом, превращает первую в противовес второй.

Исторические свидетельства в один голос говорят о связи между политической свободой и свободным рынком. Мне не известно ни одного примера существовавшего когда-либо и где-либо общества, которое отличалось бы большой степенью политической свободы и в то же время не пользовалось бы для организации значительной части экономической деятельности неким подобием свободного рынка.

Поскольку мы живем в преимущественно свободном обществе, то мы склонны забывать, насколько краток был промежуток времени и мала та часть земного шара, где и когда существовала хоть какая-то форма политической свободы: обычное состояние человечества – это тирания, рабство и страдания. Западный мир XIX и начала XX века представляет собой разительное исключение из общей тенденции исторического развития. В данном случае политическая свобода, несомненно, пришла вместе со свободным рынком и с развитием капиталистических учреждений. Таковы же истоки политической свободы в греческом золотом веке и в начальную пору римской эпохи.

История лишь наводит на мысль о том, что капитализм есть необходимое условие политической свободы. Очевидно, это условие недостаточное. Фашистскую Италию и Испанию, Германию в разные периоды за последние 70 лет, Японию перед Первой и Второй мировыми войнами и царскую Россию нескольких десятилетий до Первой мировой войны нельзя даже с натяжкой охарактеризовать как политически свободные страны. А ведь в каждой из них господствующей формой экономической организации было частное предпринимательство. Ясно поэтому, что можно иметь капиталистическое в своей основе экономическое устройство и в то же время несвободное устройство политическое.

Но даже в перечисленных странах граждане обладали куда большей свободой, чем граждане современного тоталитарного государства, вроде России и нацистской Германии, в которых экономический тоталитаризм сочетается с политическим. Даже в царской России некоторые граждане могли при определенных обстоятельствах поменять место работы без разрешения политических властей, потому что капитализм и наличие частной собственности служили известным противовесом централизованной власти государства.

Взаимоотношения между политической и экономической свободой сложны и никоим образом не односторонни. В начале XIX века Бентам и философские радикалы были склонны рассматривать политическую свободу как средство достижения свободы экономической. По их мнению, массам мешают налагаемые на них ограничения, и если политиче-

ские реформы предоставят избирательное право большинству населения, люди выберут то, что для них лучше, то есть проголосуют за свободную конкуренцию. Задним числом нельзя сказать, что они были не правы. Были проведены значительные политические реформы, за которыми последовали реформы экономические, направленные в сторону большей свободы предпринимательства (*laissez faire*). Результатом таких изменений в экономическом устройстве общества стало огромное повышение благосостояния масс.

За торжеством бентамовского либерализма в Англии XIX века последовала реакция в виде усиления государственного вмешательства в экономическую сферу. В Англии, как и в других странах, эта тенденция к коллективизму резко усилилась из-за двух мировых войн. Господствующей заботой в демократических странах сделалось благосостояние, а не свобода. Распознав таящуюся здесь угрозу индивидуализму, интеллектуальные наследники философских радикалов – назовем только Дайси, Мизеса, Хайека и Саймонса – высказали опасения, что непрерывное движение к централизованному контролю над экономической деятельностью окажется «Дорогой к рабству» (так озаглавлена книга Хайека, где проведен проницательный анализ этого процесса). В экономической свободе они видели прежде всего средство достижения свободы политической.

События периода после Второй мировой войны обнаруживают и другое соотношение между экономической и политической свободой. Коллективистское экономическое планирование действительно ущемило индивидуальную свободу. Однако по меньшей мере в части стран это в результате привело не к подавлению свободы, а к коренному повороту в экономической политике. Наиболее разительный пример снова дает Англия.

Переломным пунктом явился, по-видимому, указ о «контроле над занятиями» (*control of engagements*), который лейбористская партия, невзирая на высказывавшиеся опасения, сочла необходимым издать для осуществления своей экономической политики. Этот закон, если бы он был в полной мере проведен в жизнь и его прилежно исполняли, привел бы к централизованному распределению людей по роду занятий. Это до такой степени шло вразрез с личной свободой, что новый закон соблюдался в ничтожном меньшинстве случаев и продержался совсем недолго. Отмена его привела к решительным переменам в экономической политике, характеризующимся меньшим доверием к централизованным «планам» и «программам», снятием многих ограничений и большей опорой на частный рынок. Подобные политические сдвиги произошли в большинстве демократических стран.

Эти политические сдвиги объясняются прежде всего тем, что централизованное планирование имело ограниченный успех, а то и вовсе не достигло желанных целей. Однако сама эта неудача может быть – по крайней мере, до определенной степени – отнесена на счет политических последствий централизованного планирования и нежелания довести его до логического завершения, когда возникает необходимость переступить через высокоценные права личности. Вполне возможно, что этот сдвиг – лишь временная пауза в коллективистской тенденции нашего столетия. Даже если это так, он иллюстрирует тесную взаимозависимость между политической свободой и экономическим устройством.

Исторический опыт сам по себе никогда не бывает убедителен. Возможно, расширение свободы лишь по чистому совпадению произошло одновременно с развитием капитала и рыночных институтов. Почему между ними непременно должна быть взаимосвязь? Каковы логические связи между экономической и политической свободой? Рассматривая эти вопросы, мы сперва обсудим рынок как непосредственный компонент свободы, а затем – опосредованную взаимозависимость между рыночными отношениями и политической свободой. Побочным продуктом анализа станет эскиз идеального экономического устройства свободного общества.

Как либералы, при оценке социальных институтов мы исходим из свободы индивида, или, может быть, семьи как нашей конечной цели. В этом смысле свобода обретает цен-

ность только в отношениях между людьми: для Робинзона Крузо, сидящего на пустынном острове без Пятницы, она лишена всякого смысла. На своем острове Робинзон Крузо испытывает «ограничения»; «власть» его ограничена, как ограничен круг имеющихся у него альтернатив; однако в том смысле, в котором мы ее рассматриваем, проблема свободы перед ним не стоит. Точно так же в обществе наличие свободы ничего не говорит о том, что индивид делает со своей свободой; это не всеобъемлющая этика. Действительно, одна из главных целей либерала состоит в том, чтобы оставить этическую проблему индивиду: пусть он сам поломает над ней голову. «По-настоящему» важные этические проблемы – это те, что стоят перед индивидом в свободном обществе: что ему делать со своей свободой? Таким образом, либерал выделяет два набора ценностей: ценности, касающиеся отношений между людьми, – контекст, в котором он отдает приоритет свободе, – и ценности, необходимые индивиду для того, чтобы воспользоваться своей свободой, – а это область индивидуальной этики и философии.

Либерал считает, что люди несовершенны. Для него проблема социальной организации является в такой же степени негативной проблемой удержания «плохих» людей от причинения зла, в какой она является проблемой помощи «хорошим» людям в совершении добра; разумеется, «плохими» и «хорошими» могут быть одни и те же люди: всё зависит от того, кто о них судит.

Главная проблема социальной организации состоит в том, как скоординировать экономическую деятельность большого числа людей. Даже в относительно отсталых обществах для адекватного использования наличных ресурсов необходимы разделение труда и специализация функций. В обществах высокоразвитых уровень координации, потребной для всемерного использования возможностей, предлагаемых современной наукой и техникой, неизмеримо выше. Буквально миллионы людей заняты тем, что ежедневно доставляют друг другу хлеб насущный, не говоря уже о ежегодно меняемых автомобилях. Поборник свободы стоит перед нелегкой задачей: как совместить эту всеобщую взаимозависимость с индивидуальной свободой.

В принципе существует лишь два способа координации экономической деятельности миллионов. Первый – это централизованное руководство, сопряженное с принуждением; таковы методы армии и современного тоталитарного государства. Второй – это добровольное сотрудничество индивидов; таков метод, которым пользуется рынок.

Возможность координации через добровольное сотрудничество основывается на элементарном – хотя и часто оспариваемом – тезисе, что из экономической операции выгоду извлекают обе стороны, – *при том условии, что эта операция добровольна и продумана с обеих сторон.*

Взаимообмен может поэтому обеспечить координацию без принуждения. Рабочей моделью общества, организованного при посредстве добровольного обмена, является *свободная частнопредпринимательская рыночная экономика*, то есть то, что мы называли капитализмом свободной конкуренции.

В простейшей форме такое общество состоит из ряда самостоятельных частных хозяйств: из совокупности робинзонов крузо, если угодно. Каждое из этих хозяйств использует свои наличные ресурсы для производства товаров и услуг, которые оно обменивает на товары и услуги, произведенные другими хозяйствами, делая это на условиях, взаимоприемлемых для обоих участников сделки. Таким образом, оно получает возможность удовлетворить свои потребности косвенным образом, производя товары и услуги для других, а не непосредственно, то есть производя товары для своего собственного пользования. Побудительным мотивом для принятия такого опосредованного варианта является, разумеется, увеличение совокупного продукта, вызванное разделением труда и специализацией функций. Поскольку у хозяйства всегда есть альтернативный выход – производить непосредственно

для себя, ему нет нужды вступать в обмен, если он ничего на нем не выиграет. Значит, если обе стороны ничего не выиграют от обмена, он не состоится. Поэтому сотрудничество достигается без принуждения.

Специализация функций и разделение труда дадут не так много, если конечной производственной единицей будет частное хозяйство. В современном обществе мы продвинулись гораздо дальше. Мы создали предприятия, которые выступают посредниками между индивидами в качестве продавцов и покупателей товаров. И точно так же специализация функций и разделение труда дали бы не так много, если бы мы продолжали полагаться на бартер, обменивая один товар на другой. Для этого были придуманы деньги как средство содействия обмену, дающее возможность отделить друг от друга акты покупки и продажи.

Несмотря на важную роль предприятий и денег в нашей экономике и создаваемые ими многочисленные сложные проблемы, главная особенность рыночного метода осуществления координации в полной мере проявляется в простой рыночной экономике, где нет ни предприятий, ни денег. Как в этой простой модели, так и в сложной рыночной экономике, использующей предприятия и деньги, кооперация является строго индивидуальной и добровольной *при том условии*, что а) предприятия находятся в частной собственности, так что конечными договаривающимися сторонами являются индивиды, и что б) индивиды обладают полной свободой вступать или не вступать в каждую конкретную сделку, так что все операции строго добровольны.

Куда легче выдвинуть эти условия в виде общих принципов, нежели оговорить их подробно или указать конкретно, какие учреждения в наибольшей степени способствуют их соблюдению. Именно этим вопросам посвящена значительная часть специальной экономической литературы. Самое главное – это обеспечить законопорядок, чтобы не допустить физического принуждения одного индивида со стороны другого, и обеспечить соблюдение добровольно заключенных контрактов, предоставляя таким образом поддержку «частным» начинаниям. Помимо этого, наибольшие сложности связаны, видимо, с монополиями (которые ущемляют реальную свободу, закрывая для индивида альтернативный доступ к какому-то конкретному акту обмена) и с «внешним эффектом» (*neighborhood effect*), то есть с воздействием на третьих лиц, за которое нереально взимать с них плату или выплачивать им компенсацию. Эти проблемы будут разобраны более подробно в следующей главе.

Пока сохраняется реальная свобода взаимобмена, главная особенность рыночной организации экономической деятельности состоит в том, что в большинстве случаев она не позволяет одному лицу вмешиваться в деятельность другого. Потребителя ограждает от принуждения со стороны продавца наличие других продавцов, с которыми он может вступить в сделку. Продавца ограждает от принуждения со стороны потребителя наличие других потребителей, которым он может продать свой товар. Работающий по найму огражден от принуждения со стороны работодателя наличием других работодателей, к которым он может наняться, и т. д. Рынок делает все это незаинтересованно и безо всякой центральной власти.

Если уж на то пошло, одним из главных возражений против свободной экономики выдвигают именно тот факт, что она так хорошо выполняет эту задачу. Она дает людям то, чего они хотят, а не то, чего они должны хотеть по разумению какой-то группы. За большинством доводов против свободного рынка лежит неверие в саму свободу.

Существование свободного рынка не снимает, разумеется, необходимости правительства. Напротив, правительство необходимо и как форум для определения «правил игры», и как арбитр, толкующий установленные правила и обеспечивающий их соблюдение. Рынок резко сужает круг вопросов, которые нужно решать политическими средствами, и таким образом сводит к минимуму необходимость непосредственного государственного участия в игре. Характерная особенность действия, осуществляемого через политические каналы, состоит в том, что оно, как правило, требует значительного единообразия или навязывает

его. С другой стороны, рынок отличается тем, что допускает широкое разнообразие. Говоря языком политики, рынок представляет собой систему пропорционального представительства. Каждый может, так сказать, проголосовать за цвет своего галстука; ему нет нужды заботиться о том, какие цвета предпочитает большинство, и подчиняться, оказавшись в меньшинстве.

Именно эту особенность рынка мы имеем в виду, утверждая, что рынок обеспечивает экономическую свободу. Однако значение этой характеристики простирается далеко за пределы чисто экономической сферы. Политическая свобода означает отсутствие принуждения одних людей со стороны других. Основную угрозу свободе представляет сила принуждения, будь она в руках монарха, диктатора, олигархии или временного большинства. Сохранение свободы требует максимального устранения такой концентрации власти и рассредоточения и распыления власти, устранить которую не представляется возможным, то есть системы сдержек и противовесов. Изымая организацию экономической деятельности из-под контроля политической власти, рынок устраняет этот источник принуждения. Он делает экономическую мощь ограничителем политической власти, а не ее подкреплением.

Экономическая власть может быть широко рассредоточена. Нет никакого закона сохранения энергии, понуждающего новые центры экономической мощи расти за счет уже существующих. С другой стороны, политическую власть децентрализовать сложнее. Небольших самостоятельных государств может быть много. Но создать множество равносильных центров политической власти внутри одного большого государства гораздо сложнее, чем создать множество центров экономической власти в рамках одной большой экономики. Внутри одной большой экономики может быть множество миллионеров. Но разве может быть больше одного действительно выдающегося лидера, одного человека, на котором сосредотачиваются энергия и энтузиазм его сограждан? Если центральное правительство усиливает свою власть, скорее всего, это делается за счет местного самоуправления. Возникает впечатление, что существует какой-то неизменный общий объем политической власти, подлежащей распределению. Поэтому, если соединить экономическую власть с политической, концентрация представляется почти неизбежной. С другой стороны, если экономическая власть находится не в тех же руках, что политическая, она может послужить сдерживающим противовесом политической власти.

Убедительность этого абстрактного довода, по-видимому, лучше всего продемонстрировать на конкретных примерах. Давайте рассмотрим сначала гипотетический пример, который поможет нам выявить обсуждаемые принципы, а потом проанализируем несколько недавних примеров из реальной жизни, показывающих, как действие рынка способствует сохранению политической свободы.

Одна из характерных особенностей свободного общества – это, безусловно, свобода индивида отстаивать и открыто пропагандировать радикальные изменения в общественной структуре – до тех пор пока его агитация ограничивается убеждением и не выливается в применение насилия и иных видов принуждения. Знаменем существующей в капиталистическом обществе политической свободы служит то, что люди могут открыто призывать к социализму и бороться за него. Точно так же политическая свобода в социалистическом обществе потребовала бы, чтобы люди были вольны агитировать за введение капитализма. Как можно было бы сохранить и защитить свободу агитации за капитализм в социалистическом обществе?

Чтобы люди могли за что-то агитировать, они сперва должны иметь возможность зарабатывать себе на жизнь. В социалистическом обществе уже это создает проблему, поскольку там все рабочие места находятся под непосредственным контролем политических властей. Чтобы социалистическое правительство разрешило состоящим у него на службе лицам пропагандировать политический курс, прямо противоположный его официальной доктрине,

потребовался бы акт самоотречения, совершить который совсем непросто, как показал послевоенный опыт США, когда встал вопрос о «благонадежности» государственных служащих.

Но предположим, что этот акт самоотречения все же совершился. Чтобы толком пропагандировать капитализм, сторонники его должны как-то финансировать свою деятельность: им надо будет устраивать митинги, печатать брошюры, платить за радиопередачи, выпускать газеты и журналы и т. д. Встает вопрос: откуда им взять денег? При социализме могут быть и наверняка окажутся люди с большим доходом, возможно даже обладающие крупными капитальными суммами в виде государственных облигаций и т. п., однако по необходимости это будут высокопоставленные государственные чиновники. Можно еще представить, что мелкий чиновник будет открыто пропагандировать капитализм в социалистической стране и тем не менее удержится на работе. Трудно, однако, вообразить, чтобы такую «подрывную» деятельность финансировали при социализме большие начальники.

Получить необходимые средства можно будет только путем сбора небольших сумм с большого числа мелких чиновников. Но это не решение. Чтобы воспользоваться этим источником, надо, чтобы очень многие были заранее убеждены в вашей правоте, тогда как стоящая перед вами проблема как раз и заключается в том, чтобы инициировать и профинансировать кампанию по их убеждению. Радикальные кампании в капиталистических странах никогда так не финансировались. Их обычно поддерживало несколько богатых людей, которых удалось убедить: Фредерик Вандербильт Фильд, Анита Маккормик Блейн или Корлисс Ламонт, если называть имена, выдвинувшиеся в последнее время, или Фридрих Энгельс, если заглянуть подальше в прошлое. Эту роль имущественного неравенства в сохранении политической свободы – роль мецената – замечают нечасто.

В капиталистическом обществе надо лишь убедить нескольких богачей, чтобы заручиться средствами на пропаганду какой угодно идеи, пусть даже самой необычной, и таких людей, таких независимых источников поддержки, находится немало. И вообще: не обязательно даже убеждать людей или финансовые учреждения, обладающие соответствующими фондами, в разумности идей, которые вы планируете пропагандировать. Нужно лишь убедить их в том, что ваша пропаганда будет иметь финансовый успех, что соответствующая газета, журнал, книга или новое предприятие окажутся прибыльными. Например, издатель, конкурирующий с другими издателями, не может позволить себе печатать только то, с чем он лично согласен: он должен исходить из единственного критерия – вероятности того, что рынок окажется достаточно широк, чтобы обеспечить удовлетворительную прибыль на вложенный капитал.

Таким образом, рынок разрывает порочный круг и в конечном итоге позволяет финансировать подобные предприятия небольшими суммами, собранными со многих людей, без необходимости убедить их сперва в своей правоте. В социалистическом обществе такой возможности нет; там есть только всесильное государство.

Попробуем напрячь воображение и предположим, что социалистическое правительство сознает эту проблему и состоит из людей, пекущихся о сохранении свободы. Способно ли оно выделить средства? Возможно, но неясно как. Оно может учредить административный орган по субсидированию подрывной пропаганды. Но как ему выбрать, кого поддерживать? Если он станет давать всем, кто попросит, он вскоре окажется без денег, ибо социализм не в состоянии отменить элементарного экономического закона, согласно которому достаточно высокая цена порождает высокое предложение. Сделайте агитацию радикальных воззрений в достаточной степени финансово привлекательной, и от агитаторов не будет отбоя.

К тому же свобода пропагандировать непопулярные воззрения вовсе не требует, чтобы такая пропаганда не несла с собой никаких издержек. Напротив, не было бы стабильных обществ, если бы пропаганда радикальных изменений не была бы сопряжена с какими-

то издержками, и уж тем более субсидировалась. Вполне нормально, что люди приносят жертвы, пропагандируя идеи, в которые искренне верят. Мало того, важно сохранить свободу только для тех, кто готов себе во многом отказывать, иначе свобода вырождается во вседозволенность и безответственность. И принципиально необходимо, чтобы цена, которую платят за пропаганду непопулярных взглядов, была приемлемой и не отменяла саму возможность такой пропаганды.

Но это еще далеко не все. В свободном рыночном обществе достаточно иметь средства. Поставщики бумаги готовы продать ее как издателям Daily Worker, так и издателям Wall Street Journal. В социалистическом обществе недостаточно просто иметь средства. Гипотетическому стороннику капитализма придется уговорить государственную бумажную фабрику продать ему бумагу, государственную типографию – напечатать брошюры, государственное почтовое отделение – разослать их по людям, государственное ведомство – предоставить ему зал для выступления и т. д.

Возможно, существует какой-то способ преодоления всех этих трудностей и сохранения свободы в социалистическом обществе. Нельзя утверждать, что это совершенно невозможно. Ясно, однако, что создание институтов, которые на деле будут сохранять возможность инакомыслия, сопряжено с весьма реальными трудностями. Насколько я знаю, никто из тех, кто выступает одновременно за социализм и свободу, не брался толком за эту проблему и не начал всерьез разрабатывать институты, которые могли бы обеспечить существование свободы при социализме. Зато совершенно ясно, почему рыночное капиталистическое общество благоприятствует свободе.

Ярким практическим примером этих абстрактных принципов служит то, что произошло с Уинстоном Черчиллем. С 1933 года до начала Второй мировой войны Черчиллю не разрешали выступать по английскому радио, которое, разумеется, было государственной монополией под административным контролем Британской радиовещательной корпорации (BBC). А ведь Черчилль был одним из виднейших граждан своей страны, членом парламента, бывшим министром, отчаянно пытавшимся всеми доступными средствами убедить своих соотечественников принять меры к предотвращению опасности, исходящей от гитлеровской Германии. Ему не разрешали обратиться по радио к английскому народу, поскольку BBC являлась государственной монополией, а его взгляды представлялись слишком «спорными».

А вот другой поразительный пример – забвение голливудского черного списка. Об этом сообщил 26 января 1959 года журнал Time, который писал:

Во время церемонии вручения премий «Оскар» Голливуд больше всего старается соблюсти приличия. Однако два года назад приличия были нарушены. Когда объявили, что некто Роберт Рич получил «Оскара» за сценарий фильма «Храбрец», он так и не вышел на сцену. Роберт Рич оказался псевдонимом, за которым скрывался кто-то из полтора десятка сценаристов... с 1947 года вносившихся кинопромышленностью в черный список по подозрению в том, что они были коммунистами или «попутчиками». Конфуз был особенно велик из-за того, что Академия киноискусства запретила коммунистам и тем, кто ссылался на Пятую поправку⁴, номинироваться на «Оскар». На прошлой неделе правило насчет коммунистов и тайна подлинного имени Рича внезапно получили новый оборот.

Оказалось, что Рич – это Дальтон Трамбо, сценарист фильма «Джонни получил винтовку», один из первой «голливудской десятки» сценаристов, отказавшихся дать показания на слушаниях 1947 года о коммунизме в кинопромышленности. Как сказал продюсер

⁴ Пятая поправка к Конституции США гласит, что никто не обязан давать в суде показания против самого себя. Ею нередко пользовались выступавшие перед Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности в период маккартизма. – Примеч. пер.

Фрэнк Кинг, до тех пор твердо стоявший на том, что Роберт Рич – это «молодой бородач, живущий в Испании»: «У нас обязанность перед акционерами покупать по возможности лучшие сценарии. Трамбо принес нам „Храбреца“, и мы его купили»...

Так был формально предан забвению голливудский черный список. Неформально для сценаристов, чье имя попало под запрет, он закончился уже давно. Сообщают, что по меньшей мере 15 % нынешних голливудских фильмов пишутся сценаристами из черного списка. По словам продюсера Кинга, «в Голливуде больше „призраков“ (авторов, работающих под чужим именем), чем на кладбище Форестлоун. Каждая здешняя компания пользуется работой тех, чье имя попало в черный список. Мы просто первыми сказали вслух то, о чем все и так знают».

Можно думать, как думаю я, что коммунизм уничтожил бы все наши свободы, можно выступать против него с максимальной твердостью и решительностью – и в то же время считать нестерпимым, чтобы в свободном обществе человеку не позволяли вступать во взаимоприемлемые добровольные отношения с другими лицами, потому что он верит в коммунизм или пытается за него бороться. Его свобода подразумевает свободу бороться за коммунизм. Разумеется, свобода подразумевает и свободу других людей при этих обстоятельствах с ним не общаться. Голливудский черный список был актом несвободы, ибо представлял собою сговор с использованием средств принуждения для предотвращения добровольной ассоциации. Он не сработал именно потому, что рынок сделал сохранение черного списка слишком дорогостоящим. Коммерческий интерес – то обстоятельство, что у владельцев и руководителей предприятий есть стимул заработать как можно больше денег, – защитил свободу лиц, попавших в черный список, предоставив им альтернативную форму найма и дав людям стимул принимать их на работу.

Если бы Голливуд и кинопромышленность были государственными предприятиями или если бы дело происходило в Англии и речь шла о поступлении на работу в Британскую радиовещательную корпорацию, трудно было бы себе представить, что «голливудская десятка» или ее аналоги могли бы найти работу. Точно так же трудно себе представить, что решительные сторонники индивидуализма и частного предпринимательства – да и вообще решительные сторонники любого мировоззрения помимо идеологии сохранения статус-кво – могли бы найти работу при таких обстоятельствах.

Еще один пример той роли, какую играет рынок в деле сохранения политической свободы, относится к нашему эпизоду с маккартизмом. Оставив в стороне существо дела и вопрос об обоснованности предъявлявшихся тогда обвинений, полюбопытствуем, на какую защиту могли рассчитывать допрашиваемые, и в особенности государственные служащие, от беспочвенных обвинений и попыток влезть в дела, обсуждать которые им не позволяла совесть? Если бы не было альтернативы государственной службе, их апелляции к Пятой поправке свелись бы к пустому шутовству.

Главной их защитой было существование частнорыночной экономики, в рамках которой они могли заработать себе на хлеб. Даже здесь защищенность их была не абсолютной. Многие потенциальные частные наниматели не желали (правы они были или нет) брать на работу пригвожденных к позорному столбу. Вполне возможно, что издержки, которые несли многие из этих лиц, были куда менее оправданны, чем издержки, с которыми обычно сопряжена пропаганда непопулярных идей. Но суть дела в том, что издержки эти были ограничены и не столь нестерпимы, как в том случае, если бы существовала только государственная служба.

Интересно отметить, что непропорционально большая часть этих лиц ушла, судя по всему, в секторы экономики с наибольшей конкуренцией – мелкий бизнес, торговлю, фермерство, – где рынок максимально приближается к идеальному свободному рынку. Покупая хлеб, никто не знает, кто вырастил для него пшеницу: коммунист или республиканец, кон-

ституционалист или фашист или, если уж на то пошло, негр или белый. Этим иллюстрируется то, как безличный рынок отделяет экономическую деятельность от политических взглядов и ограждает людей от дискриминации в их экономической деятельности по причинам, не имеющим никакого отношения к их производительности, вне зависимости от того, связаны ли эти причины с их взглядами или с их цветом кожи.

Как можно заключить из этого примера, в сохранении и укреплении капитализма свободной конкуренции наиболее кровно заинтересованы именно те меньшинства, которые легче всего становятся объектом недоверия и вражды со стороны большинства, – негры, евреи, инородцы (говорю лишь о самом очевидном). И тем не менее, как ни парадоксально, именно из этих групп набирается, как правило, непропорционально большое число врагов свободного рынка – социалистов и коммунистов. Вместо того чтобы признать, что существование рынка ограждает их от неприязненного отношения сограждан, они ошибочно относят на счет рынка остаточную дискриминацию.

Глава II

Роль государства в свободном обществе

Обычная претензия к тоталитарным странам состоит в том, что для них цель оправдывает средства. Такая претензия, если понимать ее буквально, явно лишена логики. Если не цель оправдывает средства, то что? Однако этот легкий ответ не снимает со счетов упомянутую претензию, но лишь показывает, что она неудачно выражена. Отрицать, что цель оправдывает средства, означает утверждать обвиняемыми, что существующая цель не является конечной, а конечная цель – это и есть использование адекватных средств. Желательна она или нет, любая цель, требующая достижения скверными средствами, должна уступить место более основополагающей цели, заключающейся в использовании приемлемых средств.

Для либерала адекватными средствами являются свободное обсуждение и добровольное сотрудничество, из чего следует вывод, что любая форма принуждения для него неадекватна. Идеалом здесь является единодушие среди ответственных индивидов, достигнутое на основе свободного и исчерпывающего обсуждения. Это еще один способ выразить цель свободы, что подчеркивалось в предыдущей главе.

С этой точки зрения роль рынка, как уже отмечалось, заключается в том, что он допускает единодушие без единообразия и является системой действенного пропорционального представительства. С другой стороны, характерной чертой действия, предпринимаемого по чисто политическим каналам, является его тенденция требовать или навязывать значительную степень единообразия. На вопросы, как правило, необходимо давать простые ответы «да» и «нет», и в самом лучшем случае можно обеспечить лишь весьма ограниченный набор альтернатив. Этого вывода не меняет даже использование пропорционального представительства в явной политической форме. Число отдельных групп, которые реально можно представить пропорционально, строго ограничено, а по сравнению с пропорциональным представительством на рынке оно ограничено чудовищно. Есть и еще более важный момент: тот факт, что в норме конечным результатом должен быть закон, одинаково применимый ко всем группам, а не отдельные законоположения для каждой представленной «стороны», означает, что пропорциональное представительство в его политическом варианте не только не допускает единодушия без единообразия, но ведет к безрезультатности и раздробленности. Таким образом, оно приводит к разрушению любого консенсуса, на котором может быть основано единодушие с единообразием.

Совершенно очевидно, что существуют вопросы, к которым действенное пропорциональное представительство неприменимо. Я не могу добиться того объема затрат на национальную оборону, какого хочется мне, а вы не можете добиться какого-то другого объема средств. Что касается таких простых неделимых вопросов, то мы можем их обсуждать, спорить и голосовать. Но если уж мы пришли к решению, приходится подчиняться. Именно существование таких неделимых проблем (к числу самых существенных относятся, очевидно, защита индивида и страны от посягательств) делает невозможной опору исключительно на индивидуальные действия посредством рынка. Если нам необходимо тратить часть своих ресурсов на такие неделимые цели, мы должны улаживать свои разногласия через политические каналы.

Хотя использование политических каналов неизбежно, оно, как правило, ослабляет социальное единство, без которого не может быть стабильного общества. Ослабление это будет минимальным, если согласие по поводу совместных действий должно быть достигнуто лишь по узкому кругу вопросов, на которые люди в любом случае имеют общие взгляды. Любое расширение круга вопросов, по которым необходимо достичь ясно выра-

женного согласия, еще больше напрягает тончайшие нити, связывающие общество в единое целое. Если дело дойдет до проблемы, которая затрагивает людей глубоко, но по-разному, это может разрушить общество. Резкие расхождения по основополагающим вопросам редко возможно (если вообще возможно) разрешить посредством избирательной урны; в конце концов оказывается, что их можно решить, хоть и не разрешить, лишь через конфликт. Кровавым подтверждением тому служит история религиозных и гражданских войн.

Широкое использование рынка ослабляет нагрузку на социальную ткань, так как снимает необходимость подчиняться общему мнению во всех видах охватываемой рынком деятельности. Чем шире диапазон деятельности, осуществляемой в рамках рынка, тем меньше вопросов, требующих чисто политического решения и соответственно нуждающихся в достижении согласия. В свою очередь, чем меньше вопросов, требующих согласия, тем вероятней добиться согласия и сохранить в то же время свободное общество.

Единодушие – это, разумеется, идеал. На практике же мы не можем тратить то время и те силы, которые потребовались бы для достижения полного единодушия по каждому вопросу. Нам приходится довольствоваться меньшим. Таким образом, мы вынуждены в интересах дела исходить из воли большинства. Что принцип большинства есть лишь дань целесообразности, а не основополагающий принцип сам по себе, ясно видно из того факта, что наша готовность прибегнуть к нему и размер требуемого нами большинства сами зависят от серьезности рассматриваемого вопроса. Если вопрос маловажен и меньшинство спокойно относится к перспективе поражения при голосовании, довольно будет простого большинства голосов. С другой стороны, если меньшинство принимает какой-то вопрос близко к сердцу, простого большинства уже недостаточно. Мало кто из нас, к примеру, согласится, чтобы вопрос о свободе слова решался простым большинством. Наша юридическая система проводит массу различий насчет того, какие вопросы требуют какого типа большинства. Крайним случаем являются вопросы, включенные в Конституцию США. Эти принципы столь важны, что мы готовы сделать целесообразности лишь самую минимальную уступку. Для того чтобы их принять, было достигнуто некое подобие полного консенсуса, и нам потребуется некое подобие полного консенсуса для того, чтобы их изменить.

Включенный в нашу Конституцию и в писанные и неписанные конституции других стран принцип самоограничения, призывающий к отказу от следования воле большинства в известных вопросах, и содержащиеся в этих конституциях или их эквивалентах конкретные положения, запрещающие меры принуждения против индивидов, сами по себе следует считать достигнутыми посредством свободного обсуждения и отражающими существенное единодушие по поводу используемых средств.

Теперь я перейду к более конкретному, хотя пока достаточно широкому рассмотрению вопроса о том, какие проблемы вообще нельзя решить при помощи рынка (или можно, но такой ценой, что использование политических каналов окажется предпочтительнее).

Государство как нормотворческий орган и третейский судья

Очень важно провести различие между повседневной человеческой деятельностью и общими рамками обычаев и законов, в которых эта деятельность протекает. Повседневная деятельность подобна действиям участников игры; рамки эти подобны правилам игры, в которой они участвуют. И точно так же, как в хорошей игре, требуется, чтобы участники игры принимали как ее правила, так и арбитра, который эти правила интерпретирует и обеспечивает их соблюдение. В хорошо организованном обществе требуется, чтобы его члены пришли к согласию насчет общих условий, которые будут регулировать отношения между ними, насчет каких-то методов арбитража в случае разных интерпретаций этих условий и насчет каких-то способов обеспечить соблюдение общепринятых правил. Как и в игре, в обществе большинство правил общежития являются незапланированным следствием обычаев и принимаются без рассуждения. Самое большее, мы открыто обсуждаем лишь незначительные перемены в принятых правилах, хотя совокупным результатом серии незначительных модификаций может стать кардинальное изменение характера игры или общества. Как в игре, так и в обществе ни одна система правил долго не продержится, если большинство участников не будет подчиняться ей большую часть времени без внешних санкций; иными словами, если нет широкого общественного согласия. Но мы не можем полагаться на один лишь обычай или на этот консенсус для того, чтобы интерпретировать правила и добиваться их соблюдения; нам нужен арбитр, третейский судья. В таком случае главные роли, которые государство играет в свободном обществе, таковы: предоставлять средства, пользуясь которыми мы сможем модифицировать правила; выступать в качестве посредника, когда мы по-разному интерпретируем содержание правил; принуждать к выполнению правил тех немногих, кто иначе не станет участвовать в игре.

В свете сказанного: нужда в государстве возникает из-за того, что абсолютной свободы не бывает. Как ни привлекательна анархическая философия, в мире несовершенных людей анархия неосуществима. Свобода одного человека может вступать в конфликт со свободой другого, и когда это происходит, чью-то свободу приходится ограничить, чтобы сохранить свободу второго человека; как выразился однажды член Верховного суда, «моя свобода размахивать кулаками должна быть ограничена расстоянием до вашего подбородка».

Основная трудность при определении деятельности, которой следует заниматься государству, заключается в необходимости разрешать подобные конфликты между свободой различных индивидов. В некоторых случаях ответить на этот вопрос легко. Нетрудно заручиться почти полным единодушием по поводу тезиса, что свободу убивать своего соседа надо ограничить, дабы сохранить за ним свободу жить. В других случаях ответить не так уж просто. В области экономической большие затруднения связаны с конфликтом между свободой объединений и свободой конкуренции. Какой смысл следует вкладывать в понятие «свободное» применительно к предпринимательству? В США «свободу» в этом случае понимают так, что каждый свободен сделаться предпринимателем, а значит, уже существующие предприниматели не свободны избавляться от конкурентов кроме как посредством продажи лучшего товара по той же цене или того же товара по более низкой цене. Напротив, континентальная традиция обычно толкует это понятие в том смысле, что предприниматели свободны поступать так, как им заблагорассудится, в том числе сговариваться о ценах, делить рынки и пользоваться прочими способами вытеснения потенциальных конкурентов. Видимо, самая сложная конкретная проблема в этой области касается объединений рабочих, где особенно остро встает вопрос о свободе объединений и свободе конкуренции.

Вот еще более существенная область экономики, в которой ответить на этот вопрос и сложно, и весьма важно: определение прав собственности. Развившееся с течением веков и занесенное в наши законоуложения понятие собственности настолько сделалось частью нашего сознания, что мы о нем не задумываемся и не осознаем, до какой степени понятия о том, что же является собственностью и какие права обеспечивают владение ею, представляют собой сложные социальные конструкторы, а не самоочевидные истины. Например, позволяет ли мне мое право на владение землей и моя свобода распоряжаться своей собственностью по своему усмотрению отказывать другому в праве летать над моей землей в своем самолете? Или верх берет его право пользоваться своим самолетом? Или это зависит от того, на какой высоте он летает? Или от того, какой он производит шум? Требуется ли добровольный взаимообмен, чтобы он платил мне за право летать над моей землей? Или я должен платить ему, чтобы он воздержался от полетов над ней? Достаточно упомянуть о гонорах, авторском праве, патентах, пакетах акций корпораций, правах владельца прибрежной полосы и т. п., чтобы подчеркнуть роль общепринятых социальных правил в самом определении понятия собственности, а это приводит к мысли, что наличие строго конкретного и общепринятого определения собственности во многих случаях куда важнее, чем само содержание этого определения.

Еще одна область экономики, создающая особенно сложные проблемы, — это денежная система. Ответственность государства за денежную систему признается давно. Ее недвусмысленно предусматривает положение Конституции, уполномочивающее Конгресс «чеканить монету и регулировать ее стоимость, равно как и стоимость иностранной монеты». Повидимому, ни в одной другой области экономической деятельности государственные полномочия не пользуются таким широким признанием. Это привычное и сегодня уже почти автоматическое признание за государством такой ответственности делает вдвойне необходимым глубокое понимание оснований для этой ответственности, ибо оно увеличивает опасность расширения государственных полномочий за пределы деятельности, приемлемой в свободном обществе, — от обеспечения денежной структуры к распределению ресурсов среди индивидов. Мы подробно разберем эту проблему в главе III.

Резюмируем: организация экономической деятельности посредством добровольного взаимообмена предполагает, что при помощи государства мы обеспечим соблюдение законного порядка, чтобы не допустить принуждения одних людей другими, выполнение добровольно заключенных контрактов, определение прав собственности, интерпретацию и обеспечение соблюдения этих прав и обеспечение функционирования кредитноденежной системы.

Деятельность, осуществляемая государством на основании технической монополии и «внешних эффектов»

Роль государства, которую мы только что рассмотрели, состоит в том, чтобы делать вещи, которые рынок не в состоянии сделать сам для себя, а именно определять правила игры, выносить по ним третейские решения и обеспечивать их выполнение. Мы можем также захотеть сделать при помощи государства какие-то вещи, которые теоретически осуществимы и при посредстве рынка, однако технические и прочие условия сильно этому препятствуют. Все они сводятся к случаям, когда строго добровольный взаимообмен либо череват огромными издержками, либо практически невозможен. Такие случаи делятся на два общих класса: а) монополия и другие подобные издержки рынка и б) «внешние эффекты».

Взаимообмен по-настоящему добровольен только тогда, когда имеются почти равнозначные альтернативы. Монополия предполагает отсутствие альтернатив и тем самым ограничивает свободу взаимообмена. На практике монополия часто, если не всегда, возникает вследствие государственной поддержки или сговора между отдельными лицами. В этом случае решение проблемы состоит в том, чтобы либо избегать государственного содействия монополиям, либо строже следить за соблюдением правил, например тех, которые содержатся в нашем антимонопольном законодательстве. Монополия, однако, может возникнуть и из-за того, что существование только одного производителя или предприятия более целесообразно в техническом отношении. Я осмелюсь заявить, что таких случаев меньше, чем обычно считается, но они, безусловно, бывают. Простейшим примером может служить телефонное обслуживание конкретной местности. Я назову такие случаи «технической» монополией.

Когда технические обстоятельства делают монополию естественным результатом конкурирующих рыночных сил, имеются, по всей видимости, лишь три альтернативных варианта: частная монополия, государственная монополия и государственное регулирование. Все три варианта нехороши, так что приходится выбирать меньшее из зол. Генри Саймонс, изучавший государственное регулирование монополий в США, пришел к выводу, что результаты его настолько ужасны, что государственную монополию он счел меньшим злом. Видный немецкий либерал Вальтер Ойкен, изучавший государственную монополию на немецких железных дорогах, пришел к выводу, что результаты ее настолько ужасны, что государственное регулирование он счел гораздо меньшим злом. Почерпнув многое у обоих исследователей, я скрепя сердце заключил, что наименьшим злом (если с ним можно смириться) будет частная монополия.

Если бы общество было статичным и породившие техническую монополию условия устойчиво сохранялись бы в дальнейшем, я не поддержал бы такого решения. Однако в быстро меняющемся обществе условия, порождающие техническую монополию, тоже часто меняются, и я подозреваю, что государственное регулирование и государственная монополия станут реагировать на такое изменение условий менее гибко и будут менее склонны к самоупразднению, чем частная монополия.

Прекрасным примером служат американские железные дороги. В XIX веке высокий уровень монополизации железнодорожного транспорта был, видимо, неизбежен в силу технических причин. Этим обосновывалось создание Комитета по межштатному транспорту и торговле (Interstate Commerce Commission, ICC). Но условия изменились. Появление автомобильного и воздушного транспорта низвело монополичный элемент в железных дорогах до ничтожного уровня. Тем не менее мы так и не упразднили ICC. Напротив, ICC, бывший пона-

чалу органом для защиты публики от эксплуатации со стороны железных дорог, превратился в орган по защите железных дорог от конкуренции со стороны грузовиков и других транспортных средств, а еще позднее – и по защите уже существующих автотранспортных компаний от конкуренции со стороны новичков. Точно так же в Англии после национализации железных дорог автотранспорт тоже сначала сделали государственной монополией. Если бы американские железные дороги никогда не подвергались регулированию, почти наверняка транспорт, включая и железные дороги, сделался бы к сегодняшнему дню весьма конкурентоспособной отраслью экономики, в которой почти не осталось бы элементов монополии.

Однако выбор меньшего из зол – частной монополии, государственной монополии и государственного регулирования – нельзя сделать раз и навсегда, вне зависимости от конкретных обстоятельств. Если речь идет о технической монополии на услугу или товар, без которых трудно обойтись, и если монопольная власть приобретает большой размах, даже краткосрочные результаты частной неконтролируемой монополии могут быть неприемлемы, и тогда меньшим злом окажется государственное регулирование или государственная собственность.

Иногда техническая монополия может служить оправданием существующей *de facto* государственной монополии. Она не может сама по себе оправдать государственную монополию, создавшуюся за счет законодательного запрета с ней конкурировать. Например, совершенно ничем не оправдана наша нынешняя почтовая монополия. Можно доказывать, что доставка почтовых отправок – это техническая монополия и что государственная монополия является наименьшим из всех зол. Рассуждая таким образом, можно еще обосновать существование государственной почты, но никак не нынешнее законодательство, запрещающее доставку почтовых отправок кому бы то ни было другому. Если доставка почты есть техническая монополия, то никто и так не выдержит конкуренции с государством. А если нет, то государству незачем ею заниматься. Выход только один: допустить к ней других.

Историческая причина того, что у нас существует почтовая монополия, следующая: частная компания Pony Express, развозившая почту по всему американскому континенту, так хорошо вела дело, что, когда государство занялось трансконтинентальной доставкой почтовых отправок, оно не смогло успешно с ней конкурировать и стало нести убытки. В результате появился закон, запрещающий кому бы то ни было другому, кроме государства, доставлять почту. Вот почему Adams Express Company является сегодня инвестиционным трестом, а не действующей компанией. Я полагаю, что, если бы заниматься доставкой почты разрешили всем, кто пожелает, ею заинтересовалось бы большое количество фирм, и эта архаическая область экономической деятельности очень скоро претерпела бы революционные изменения.

Другая общая категория случаев, исключаящих строго добровольный взаимообмен, возникает тогда, когда поступки одних лиц имеют такое воздействие на других лиц, за которое нереально взимать с них плату или выплачивать им компенсацию. Это проблема «внешних эффектов». Очевидным примером послужит загрязнение источника водоснабжения. Человек, загрязняющий источник, по сути дела заставляет других обменивать чистую воду на грязную. Возможно, что эти другие будут не прочь произвести этот обмен за деньги. Но, действуя поодиночке, они вряд ли смогут избежать этого обмена или добиться надлежащей компенсации.

Менее очевидным примером служит эксплуатация автодорог. В данном случае технически возможно установить, сколько с кого причитается за пользование шоссе, и таким образом передать их в частное обслуживание. Однако когда речь идет об автомагистрали с большим числом въездов и выездов, сбор платы за пользование ею будет чрезвычайно дорогостоящим предприятием, если взыскивать в зависимости от предоставленных каждому индивиду услуг, ибо в таком случае придется собирать дорожную пошлину на каж-

дом въезде. Налог на бензин является куда более дешевым методом взыскания пошлины, более или менее отражающим, в каких пределах водитель пользовался автодорогой. Однако этот метод не позволяет точно соотнести каждую выплату с конкретным использованием автодороги. В связи с этим вряд ли возможно, чтобы частнопредпринимательский сектор предоставлял эти услуги и собирал дорожную пошлину без установления широкой частной монополии.

Эти соображения не относятся к дальним скоростным автострадам с большой плотностью движения и ограниченным числом въездов и выездов. В их случае стоимость сбора платы невелика, и она вносится теперь во многих местах, да к тому же нередко существует множество альтернативных решений, и здесь проблема монополии серьезно не встает. Поэтому есть все основания для того, чтобы эти автодороги находились в частном владении и обслуживании, и компания, обслуживающая автодорогу, должна получать налоги на бензин, взысканные в связи с использованием дорог.

Интересный пример представляют парки и заповедники, поскольку они иллюстрируют разницу между случаями, которые оправдываются или, наоборот, не оправдываются внешними эффектами, и поскольку почти все сразу признают содержание заповедников одной из несомненно важных функций государства. Однако в действительности, если внешними эффектами еще может быть оправдано существование городских парков, ими нельзя оправдать государственные заповедники типа Йеллоустонского национального парка или Большого Каньона. В чем коренное различие между ними? В случае городского парка чрезвычайно сложно определить, кто извлекает из него пользу, и взыскать соответствующую плату. Если парк находится в центре города, окружающие его дома выигрывают от существования открытого пространства, и в выигрыше остаются также проходящие через или мимо него. Держать сборщиков пошлины у каждого входа или взимать ежегодную плату с каждого выходящего на парк окна и дорого и сложно. С другой стороны, въездов в государственные заповедники, вроде Йеллоустона, немного; большинство посетителей проводят в них достаточно много времени, поэтому вполне реально поставить по кассе у всех въездов и взимать входную плату. Да сейчас это и делается, хотя плата за вход не покрывает всех издержек. Если публике настолько нравится это времяпрепровождение, что она готова за него платить, у частного предпринимателя есть полный резон обеспечить ее такими заповедниками. И разумеется, сейчас есть немало частных предприятий такого рода. Я что-то не могу себе представить никаких внешних эффектов или существенных монопольных эффектов, которые оправдали бы участие государства в этой области.

Соображения вроде тех, которые я рассматривал в категории внешних эффектов, используются для обоснования буквально всех мыслимых видов государственного вмешательства. Однако во многих случаях такие обоснования суть лишь результаты одностороннего освещения вопроса, а не добросовестное применение концепции внешних эффектов. Эти эффекты – палка о двух концах. Они могут послужить причиной как для сужения деятельности государства, так и для ее расширения. Внешние эффекты мешают добровольному взаимообмену, потому что очень сложно установить факт и измерить степень его воздействия на третьих лиц. Но с этой же сложностью сопряжена и деятельность государства. Трудно установить, когда внешние эффекты достаточно велики, чтобы оправдать издержки, связанные с их преодолением, и еще труднее распределить эти издержки надлежащим образом. В результате, когда государство делает что-то для преодоления внешних эффектов, оно отчасти создает дополнительный набор внешних эффектов тем, что не взыскивает с индивидов, сколько положено, и не компенсирует надлежащим образом их затрат. Какие эффекты серьезнее: исходные или новые, – зависит в каждом отдельном случае от конкретных обстоятельств, и ответить на этот вопрос можно лишь в самых общих чертах. Далее, использование государства для преодоления внешних эффектов само по себе имеет весьма

важный внешний эффект, не имеющий отношения к конкретному поводу, вызвавшему соответствующие административные действия. Каждый акт государственного вмешательства имеет своим непосредственным результатом сужение области индивидуальной свободы, а опосредованно угрожает сохранению свободы в силу причин, указанных в первой главе.

Наши принципы не дают однозначных рецептов насчет того, в каких пределах уместно пользоваться государством для совместного выполнения задач, которые нам сложно или невозможно выполнить с помощью строго добровольного взаимобмена. В каждом случае, когда предлагают прибегнуть к государственному вмешательству, нам следует составить балансовую ведомость и записать в разные ее графы преимущества и недостатки такого вмешательства. Наши принципы говорят нам, какие факторы следует записать слева, а какие — справа, и дают нам основания решать, какое значение следует придавать разным факторам. В частности, нам всегда следует заносить в графу недостатков, связанных с любым обсуждаемым государственным вмешательством, его внешний эффект, заключающийся в том, что оно представляет угрозу для свободы, и мы обязаны придавать этому эффекту большое значение. Какое именно значение нужно придавать ему или другим факторам, зависит от обстоятельств. Например, если уже существующее государственное вмешательство невелико, мы придадим меньшее значение отрицательным результатам дополнительного государственного вмешательства. Прежде всего по этой причине многие либералы былых времен, вроде Генри Саймонса, писавшие в то время, когда масштабы государственной деятельности были по сегодняшним понятиям невелики, готовы были возложить на государство такие обязанности, которых сегодняшние либералы уже не одобряют, — так разрослись теперь государственные полномочия.

Деятельность, осуществляемая государством на патерналистских основаниях

Свободы имеет смысл добиваться лишь для людей, которые могут за себя ответить. Мы не верим в свободу для безумцев и детей. Нельзя уйти от необходимости проводить разграничительную черту между дееспособными и недееспособными индивидами, но это означает в то же время, что наша конечная цель – свобода – есть по сути своей понятие неоднозначное. Патернализм неизбежен по отношению к тем, кто, по нашему разумению, не отвечает за свои поступки.

Самый чистый случай, видимо, тот, когда речь идет о безумцах. Давать им свободу мы не хотим, но и расстреливать их мы тоже не собираемся. Было бы замечательно, если бы для предоставления им крова и ухода мы могли полагаться на добровольную деятельность индивидов. Но, мне думается, нельзя исключить возможность, что такой благотворительности окажется недостаточно, хотя бы из-за внешнего эффекта, заключенного в том обстоятельстве, что я оказываюсь в выигрыше, если другой тратится на уход за душевнобольным. По этой причине мы можем предпочесть, чтобы уход за ними был организован государством.

С детьми дело обстоит сложнее. Конечной функциональной единицей нашего общества является не индивид, а семья. Однако тот факт, что за единицу принимается семья, основан в значительной степени на целесообразности, а не на принципе. Мы полагаем, что родители, как правило, лучше других способны защитить интересы своих детей и вырастить из них ответственных индивидов, которым свобода окажется по плечу. Однако мы не верим в свободу родителей делать с другими людьми все, что им заблагорассудится. Дети являются дееспособными индивидами в зародыше, и тот, кто верит в свободу, верит и в необходимость защиты их неотъемлемых прав.

Выражаясь иначе и на первый взгляд несколько бездушно: дети одновременно являются потребительским товаром и потенциально ответственными членами общества. Свобода индивидов пользоваться своими экономическими ресурсами по своему усмотрению включает свободу завести детей, то есть, так сказать, покупать услугу «дети» в качестве особой формы потребления. Однако после того, как вы воспользовались этим выбором, дети приобретают ценность сами по себе и обладают своей собственной свободой, не являющейся продолжением свободы их родителей.

Патерналистские основания для государственной деятельности во многих отношениях коробят либерала больше всего, ибо требуют принятия принципа – «одни люди могут решать за других», – который либерал в большинстве его применений считает предосудительным и на котором он справедливо усматривает печать своих главных интеллектуальных оппонентов, приверженцев коллективизма в том или ином его обличье, будь то коммунизм, социализм или государство всеобщего благосостояния. Тем не менее нет смысла притворяться, что проблемы проще, чем на самом деле. В каком-то объеме патернализм необходим, от этого не уйдешь. Как писал в 1914 году Дэйси по поводу закона о защите умственно неполноценных, «Закон об умственной неполноценности есть первый шаг по пути, на который не откажется вступить ни один здравомыслящий человек, но который, если зайти по нему слишком далеко, приведет политиков к таким трудностям, какие им будет сложно преодолеть без изрядного ущемления личной свободы»⁵. Нет рецептов, которые подсказали бы нам, где остановиться. Мы вынуждены полагаться на собственные, отнюдь не безукоризненные суждения, а когда мы пришли к какому-нибудь суждению – на свою способность убедить других

⁵ Dicey A.V. Lectures on the Relation between Law and Public Opinion in England during the Nineteenth Century / 2d. ed. London: Macmillan & Co., 1914. P LI.

в его истинности или на их способность нас переубедить. Как и во всем остальном, нам приходится полагаться на некий консенсус, к которому приходят несовершенные и предубежденные люди в результате свободного обсуждения, действуя методом проб и ошибок.

Заключение

Государство, которое поддерживает законопорядок, определяет права собственности, служит нам средством модификации прав собственности и других правил экономической игры, выносит третейские решения по поводу разных толкований этих правил, обеспечивает соблюдение контрактов, благоприятствует конкуренции, обеспечивает кредитно-денежную систему, противодействует техническим монополиям и преодолевает «внешние эффекты» (достаточно важные, по общему мнению, для того, чтобы оправдать государственное вмешательство), выступает в качестве дополнительной силы по отношению к частной благотворительности и семье в деле защиты недееспособных (будь то умалишенные или дети), – такое государство, несомненно, выполняет важные функции. Последовательный либерал не является анархистом.

Но очевидно также, что такое государство будет иметь четко ограниченные функции и воздержится от многих видов деятельности, которыми занимаются сегодня федеральное правительство и правительства штатов в Америке, а также правительства других западных стран. В последующих главах некоторые из этих видов деятельности будут рассмотрены несколько подробнее, а кое-какие из них были уже затронуты выше, однако, чтобы очертить ту роль, которую либерал оставит за государством, имеет смысл просто перечислить под конец этой главы некоторые мероприятия, которые проводит в настоящий момент правительство США и которые, на мой взгляд, нельзя оправдать в свете вышеозначенных принципов.

1. Программы поддержания паритетных цен на сельскохозяйственные продукты.
2. Импортные тарифы или ограничения на экспорт, такие как нынешние квоты на импорт нефти, сахарные квоты и т. п.
3. Государственный контроль над объемом производства, например посредством фермерской программы или через пропорциональное распределение нефти, осуществляемое Техасской железнодорожной комиссией.
4. Контроль над квартирной платой (rent control), вроде того, который все еще практикуется в Нью-Йорке, или более общий контроль над ценами и заработной платой, введенный во время и после Второй мировой войны.
5. Законодательно установленные минимальные ставки заработной платы или максимальные цены, такие как законодательно установленный максимум в 0 %, который коммерческий банк может выплачивать по вкладам до востребования, или законодательно фиксированные максимальные проценты, которые могут выплачиваться на сбережения и срочные депозиты.
6. Детальное регулирование областей экономической деятельности, такое как регулирование транспорта Комитетом по межштатному транспорту и торговле. Когда такое регулирование первоначально ввели для железных дорог, его еще можно было оправдать соображениями технической монополии, но они теперь не приложимы ни к одному виду транспорта. Другой пример – детальное регулирование банковского дела.
7. Аналогичный пример, заслуживающий особого внимания, поскольку он связан с цензурой и нарушениями свободы слова, – это контроль над радио и телевидением, осуществляемый Федеральной комиссией по связи (Federal Communications Commission).
8. Нынешние программы социального обеспечения, особенно программы помощи престарелым и пенсионного обеспечения, по сути дела заставляющие людей а) расходовать определенную часть своих доходов на покупку страховки на пенсию по старости и б) покупать страховку у государственной компании.

9. Существующие в различных штатах и городах законы о лицензировании, разрешающие заниматься определенными видами производственной и хозяйственной деятельности только держателям соответствующих лицензий (когда лицензия – это нечто большее, чем просто налог, который должен платить каждый занимающийся соответствующей деятельностью).

10. Так называемые программы социального жилья и масса других субсидированных программ, направленных на расширение жилищного строительства, таких как гарантирование ипотечной деятельности, осуществляемое Федеральным управлением жилищного строительства (FHA) и Управлением по делам ветеранов (VA) и т. п.

11. Воинская повинность в мирное время. Принципам свободного рынка соответствует добровольная армия, иными словами, наем солдат на службу. Непростительно не платить цену, требуемую для привлечения надлежащего числа солдат. Нынешняя система несправедлива и произвольна, она серьезно ущемляет свободу молодых людей распоряжаться своей жизнью и, скорее всего, обходится еще дороже, чем рыночная альтернатива (другое дело – всеобщее военное обучение для подготовки резервистов на случай войны; его можно оправдать, исходя из либеральных позиций).

12. Парки и заповедники, о чем уже говорилось выше.

13. Законодательный запрет на доставку почты в целях получения прибыли.

14. Платные автодороги, которые обслуживаются государством и принадлежат ему, о чем см. выше.

Этот список далеко не полон.

Глава III

Контроль над деньгами

«Полная занятость» и «экономический рост» сделались за последние десятилетия излюбленными предложениями для расширения государственного вмешательства в экономические дела. Говорят, что свободная частнопредпринимательская экономика по природе своей нестабильна. Если ее предоставить самой себе, она приведет к регулярно повторяющимся циклам чередующихся подъемов и спадов. Поэтому в дело должно вмешаться государство, которое убережет экономику от разброда и шатаний. Такие доводы звучали особенно убедительно во время и после Великой депрессии 1930-х годов и послужили одной из главных причин для выбора Нового курса в США и аналогичного расширения государственного вмешательства в других странах. Позднее более популярным лозунгом сделался «экономический рост». Доказывают, что государство должно позаботиться о развитии экономики, дабы предоставить необходимые средства для холодной войны и продемонстрировать неприсоединившимся странам, что демократия способна развиваться быстрее, чем коммунистическое государство.

Эти аргументы способны только ввести нас в заблуждение. На самом деле Великая депрессия, как и большинство других периодов высокой безработицы, явилась результатом правительственной беспомощности, а не нестабильности, присущей частной экономике. Ответственность за кредитно-денежную политику была возложена на особый государственный орган – Федеральную резервную систему. В 1930 и 1931 годах она выполняла свои обязанности настолько бездарно, что превратила в настоящую катастрофу сокращение деловой активности, которое могло бы пройти достаточно спокойно (см. разбор этой проблемы ниже, с. 69–76). Точно так же и сегодня правительственные меры являются одним из важнейших факторов, тормозящих экономический рост в США. Тарифы и прочие ограничения международной торговли, тяжелое налоговое бремя, сложная и несправедливая структура налогообложения, регулятивные комиссии, установление государством заработной платы и цен и масса других мер побуждают людей злоупотреблять ресурсами и использовать их не по назначению, а также препятствуют инвестированию новых накоплений. И для экономической стабильности, и для роста нам насущно необходимо не расширение государственного вмешательства, а его сокращение.

Такое сокращение все равно оставит за государством важную роль в этих областях. Имеет смысл использовать государство для обеспечения стабильной кредитно-денежной структуры свободного общества, что является важной составляющей его функции по обеспечению стабильной законодательной структуры. Желательно также, чтобы мы использовали государство для обеспечения общей юридической и экономической структуры, которая позволила бы людям развивать экономику, если это согласуется с их ценностями.

Основными областями государственной политики, имеющими отношение к экономической стабильности, являются кредитно-денежная и бюджетная политика. В этой главе обсуждается внутренняя кредитно-денежная политика, в следующей – международная кредитно-денежная структура, а в главе V – бюджетная политика.

В этой и в следующей главах наша задача заключается в том, чтобы удерживать курс между двумя подходами, ни один из которых неприемлем, хотя в каждом есть свои плюсы. Сциллу здесь представляет мнение, что чисто автоматический золотой стандарт и осуществим, и целесообразен и что он способен разрешить все проблемы, связанные с развитием экономического сотрудничества между индивидами и странами в стабильных условиях. Харибдой является мнение, что необходимость приспосабливаться к непредвиденным

обстоятельствам требует передачи широкой дискреционной власти группе специалистов, собранной в некоем «независимом» центральном банке или в какой-то бюрократической организации. Ни тот, ни другой подход не дал удовлетворительных результатов в прошлом, и маловероятно, что они дадут их в будущем.

Либерал в принципе боится концентрации власти. Цель его состоит в том, чтобы сохранить максимальную степень свободы для каждого отдельного индивида, причем так, чтобы свобода одного не мешала при этом свободе другого. По его мнению, для этого необходимо, чтобы власть была рассредоточена. Он с подозрением относится к передаче государству любой функции, которая могла бы быть выполнена посредством рынка, поскольку добровольное сотрудничество заменяется при этом принуждением и поскольку расширение роли государства угрожает свободе в других областях.

Необходимость рассредоточения власти представляет собой особо сложную проблему, когда речь идет о деньгах. По общему признанию, на государстве должна лежать какая-то ответственность за денежные дела. Также по общему признанию, контроль над деньгами может явиться мощным средством контроля над экономикой. Заложённая в нем сила ярко выразилась в знаменитом ленинском афоризме о том, что для разрушения общества надо подорвать деньги. Более прозаическим образом сила его выражается в том, насколько контроль над деньгами с незапамятных времен помогал суверену выжимать высокие налоги из населения, причем очень часто без официального согласия законодательного органа, если таковой имелся. Так происходило в старые времена, когда монархи обрезали монеты и пользовались другими подобными уловками, так происходит и в наши дни, когда мы обзавелись более изощренными современными методами вроде запуска печатного станка или простой подчистки бухгалтерских книг. Проблема заключается в том, как утвердить систему, которая позволит государству нести ответственность за деньги, но в то же время ограничит предоставляемую при этом государству власть и не даст использовать ее для ослабления – а не упрочения – свободного общества.

Товарный стандарт

Исторически сложилось, что на протяжении столетий во множестве самых разных стран чаще всего прибегали к товарному стандарту, то есть к использованию в качестве денег какого-то вещественного товара, например золота или серебра, меди или олова, сигарет или коньяка или каких-то других товаров. Если бы деньги состояли полностью из какого-нибудь вещественного товара такого рода, то в принципе никакой нужды в государственном контроле не было бы. Количество обращающихся в обществе денег зависело бы от стоимости производства денежного товара, а не от иных обстоятельств. Изменения в количестве денег зависели бы от технических условий производства денежного товара и от изменений в спросе на деньги. Именно этот идеал вдохновляет многих приверженцев автоматического золотого стандарта.

Реально существующие товарные стандарты всегда весьма далеко отходили от этой простой модели, не требующей государственного вмешательства. На протяжении всей истории товарный стандарт (к примеру, золотой или серебряный) сопровождался появлением фидуциарных (то есть не обеспеченных золотом) денег той или иной разновидности, в теории подлежащих обмену на соответствующий денежный товар на твердо установленных условиях. Появление их вызывалось вполне веской причиной. С точки зрения общества в целом товарный стандарт обладает тем коренным недостатком, что для умножения наличного количества денег требуется использовать реальные ресурсы. Людям приходится хорошо потрудиться, добывая золото из земли где-нибудь в Южной Африке, чтобы потом снова похоронить его в Форт-Ноксе или другом аналогичном месте. Необходимость использования реальных ресурсов для функционирования товарного стандарта побуждает людей изыскивать иные способы достижения того же результата, не сопряженные с применением этих ресурсов. Если люди станут принимать в качестве денег бумажки с надписью «Я обещаю выплатить такое-то количество единиц товарного стандарта», эти бумажки смогут выполнять ту же функцию, что и куски настоящего золота или серебра, но для их производства понадобятся куда меньшие ресурсы. Это обстоятельство, которое я подробнее разбирал в другой работе⁶, представляет, с моей точки зрения, коренной недостаток товарного стандарта.

Будь автоматический товарный стандарт реализуем, он был бы прекрасным решением стоящей перед либералом дилеммы – он обеспечил бы стабильную денежную систему, не связанную с опасностью безответственного злоупотребления финансовой властью. Если бы, к примеру, широкая публика, вдохновленная мифологией золотого стандарта и считающая, что государственное вмешательство в его функционирование безнравственно и вредно, твердо поддерживала настоящий золотой стандарт, при котором 100 % денег в стране буквально состояло бы из золота, у нас имелась бы действенная гарантия, что государство не сможет устраивать комбинации с валютой и вообще предпринимать какие-либо безответственные финансовые действия. При таком стандарте государство обладало бы весьма ограниченными кредитно-денежными полномочиями. Но, как уже отмечалось, исторически такой автоматической системы никогда не было. Она всегда тяготела к превращению в смешанную систему, в дополнение к денежному товару содержащую такие фидуциарные элементы, как банковские билеты и депозиты или государственные банкноты. А как только появлялись фидуциарные элементы, государственного контроля над ними избежать становилось очень трудно, даже если они были выпущены частными лицами. В основном это обуславливалось трудностями борьбы с изготовлением фальшивых денег или их эко-

⁶ Friedman M. A Program for Monetary Stability. New York: Fordham University Press, 1959. P 4–8.

номическими эквивалентами. Фидуциарные деньги представляют собой контракт, обещающий уплату стандартными деньгами. Чаще всего складывается так, что между заключением такого контракта и его реализацией проходит значительный промежуток времени. В связи с этим обеспечить выполнение контракта непросто; отсюда же – соблазн заключать мошеннические контракты. Вдобавок стоит появиться фидуциарным элементам, как на само государство нападает почти неодолимый соблазн и оно начинает выпускать фидуциарные деньги. Поэтому на практике товарные стандарты всегда тяготели к превращению в смешанные, сопряженные с активным государственным вмешательством.

Следует отметить, что, несмотря на все аргументы, выдвигаемые многими в пользу золотого стандарта, в наши дни почти никто не хочет настоящего, стопроцентного золотого стандарта. Те, кто, по их словам, хочет золотого стандарта, почти без исключения имеют в виду ныне существующий стандарт или стандарт, действовавший в 1930-е годы; они имеют в виду золотой стандарт, осуществляемый центральным банком или каким-то иным государственным учреждением, которое держит небольшое количество золота в качестве «обеспечения» (если воспользоваться этим весьма неточным термином) фидуциарных денег. Некоторые заходят настолько далеко, что призывают к золотому стандарту того типа, который действовал в 1920-е годы, когда в обращении буквально находилось золото или золотые сертификаты, использовавшиеся в качестве разменных денег (золотомонетный стандарт), однако даже они предпочитают, чтобы параллельно с золотом существовали государственные фидуциарные деньги и депозиты, выпускаемые банками, которые держат частичные резервы либо в виде золота, либо в виде фидуциарных денег. Даже в так называемые лучшие дни золотого стандарта в XIX веке, когда Английский банк якобы искусно им оперировал, денежная система была очень далека от настоящего автоматического золотого стандарта. Даже тогда им повсюду манипулировали. А теперь дело приняло куда более серьезный оборот, поскольку многие страны одна за другой встали на ту точку зрения, что государство ответственно за «полную занятость».

Я прихожу к заключению, что автоматический товарный стандарт не является ни осуществимым, ни целесообразным решением проблемы установления кредитно-денежной структуры свободного общества. Он нецелесообразен, потому что с ним связаны большие издержки в виде ресурсов, используемых для производства денежного товара. Он неосуществим, потому что не существует ни мифологии, ни общепринятых взглядов, которые сделали бы его эффективным.

Этот вывод подкрепляется не только вышеприведенными историческими данными, но и специфически американским опытом. С 1879 года, когда Соединенные Штаты возобновили золотые платежи после Гражданской войны, по 1913-й в США действовал золотой стандарт. Хотя он был ближе к настоящему автоматическому золотому стандарту, чем всё, что мы имели после Первой мировой войны, он все равно являлся далеко не стопроцентным золотым стандартом. Государство выпускало бумажные деньги, а банки выпускали большую часть средств обращения страны в виде депозитов; банковские операции строго регулировались государственными органами: национальные банки регулировались Контролером денежного обращения, а банки штатов – соответствующими банковскими органами. Количество золота, находившегося в руках казначейства и банков или непосредственно у частных лиц в виде монет или золотых сертификатов, варьировалось и составляло в разные годы от 10 до 20 % денежной массы. Остальные 80–90 % состояли из серебра, фидуциарных денег и банковских депозитов, не обеспеченных золотым резервом.

Задним числом может показаться, что эта система функционировала достаточно хорошо. Но в то время американцы так не считали. Одним из признаков недовольства явились в 1880-е годы дебаты по поводу серебра, кульминацией которых была знаменитая речь

Уильяма Брайана о «золотом кресте»⁷, задавшая тон выборам 1896 года. Дебаты эти, в свою очередь, стали одной из главных причин глубокой экономической стагнации начала 1890-х годов. Возникли опасения, что США откажутся от золотого стандарта, вследствие чего доллар упадет в цене по сравнению с другими валютами. Это привело к массовому отказу от доллара и утечке капитала, вызвавшей дефляцию в США.

Следовавшие один за другим финансовые кризисы 1878, 1884, 1890 и 1898 годов подняли волну требований со стороны делового мира и банков о проведении банковской реформы. Паника 1907 года, когда банки дружно отказались выдавать деньги со счетов по первому требованию, наконец превратила чувство недовольства финансовой системой в решительные требования правительственных действий. Конгресс создал Национальную кредитно-денежную комиссию, и ее рекомендации, обнародованные в 1910 году, воплотились в Закон о федеральных резервах 1913 года. Реформы, начатые этим законом, пользовались поддержкой всех общественных слоев, от рабочего класса до банкиров, и обеих политических партий. Председателем Национальной кредитно-денежной комиссии был республиканец Нельсон У. Олдрич, а главным сторонником Закона о федеральных резервах в Сенате был демократ Картер У. Гласс.

⁷ Видный американский юрист и политический деятель Уильям Дженнингс (1860-1925), выступая на съезде Демократической партии 8 июля 1896 года, высказывался против золотого стандарта и завершил свою речь словами: «... мы не распнем человечество на золотом кресте». – *Примеч. пер.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.